

CREATIVE
WRITING
SCHOOL

ПАШНЯ

Елена Авинова

Пашня. Альманах. Выпуск 2. Том 1

«Издательские решения»

Авинова Е.

Пашня. Альманах. Выпуск 2. Том 1 / Е. Авинова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859423-6

Во второй выпуск Альманаха «Пашня» вошли лучшие работы выпускников литературных мастерских Creative Writing school сезона осень 2016 — весна 2017 года. Первый том составили работы очных мастерских прозы под руководством Ольги Славниковой и Марины Степновой, «Non fiction» Алексея Вдовина, «Фантастики» Андрея Рубанова, «Автобиографии» Екатерины Ляминой, а также мастерских для подростков под руководством Елизаветы Тимошенко и Олега Швеца и «Графического романа» Елены Авиновой.

ISBN 978-5-44-859423-6

© Авинова Е.
© Издательские решения

Содержание

Проза. Мастерские Ольги Славниковой (осень 2016 – весна 2017)	10
Наталья Веселова	10
Тореро	10
Юлия Геба	14
Десантник	14
Нонна Гудиева	17
Поэзия	17
Александра Диас	23
Вы оштрафованы	23
Андрей Загоруйко	26
Город П	26
Елена Каменцева	30
Ненавижу метро	30
Надежда Клепалова	32
Сочинитель	32
Константин Кожухин	35
Опухоль	35
Евгения Корелова	42
Цветок лотоса	42
Евгения Костинская	46
Бабушка	46
Ольга Лушникова	51
Ничего	51
Федор Людоговский	54
Грустный пакет	54
Кристина Невская	57
Африка	57
Екатерина Оськина	62
Чертовы взрослые	62
Халимат Текеева	67
Сестры	67
Стефан Хмельницкий	71
Живой	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Пашня

Альманах. Выпуск 2. Том 1

Художественное оформление, обложка Елена Авинова
Выпускающий редактор Юлия Виноградова

© Елена Авинова, художественное оформление, обложка, 2017

ISBN 978-5-4485-9423-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛОВО МАСТЕРАМ

- 1. Мастер по Creative Writing, по вашему мнению – гуру, шаман, учитель, старший товарищ?**
- 2. Какова конечная цель ваших занятий в мастерской и совпадают ли результаты с ожиданиями?**
- 3. Могут ли подобные курсы изменить состояние литературы?**

ОЛЬГА СЛАВНИКОВА

1. Мастер – шаман, потому что он побуждает заговорить подавленные жизнью способности слушателя к созданию прозы. В CWS приходят взрослые люди именно с подавленными способностями (семья, работа, неверие в себя и т.д.), и мастер камлает, вызывает духов, а как он это делает – ему самому не всегда понятно. И мастер – старший товарищ, потому что у него есть писательский опыт и опыт жизни в профессии, которыми он делится, чтобы младшие товарищи не набивали лишних шишек.

2. Я работаю с каждым слушателем на максимально возможный для него результат. По итогам трех моих мастерских примерно у половины слушателей такой результат есть.

3. Курсы писательского мастерства могут изменить положение дел в литературе, если будут существовать десятилетиями. Пока о заметном влиянии курсов на великую русскую литературу говорить рано.

МАРИНА СТЕПНОВА

1. Все вместе, конечно. Но мне лично ближе всего ипостась товарища – не старшего даже, просто – товарища.

2. Больше всего я хочу помочь своим слушателям распрямиться внутренне. Поверить в себя. В то, что можно и нужно научиться писать лучше. И, к счастью, я очень часто вижу ошеломляющий результат. Слушатели буквально преображаются.

3. Уверена, что – да. Если некоторые мои дорогие романисты все-таки домучают свои романы, многим нынешним звездам придется потесниться на своих полках. Новичкам, чтобы выйти в большое плавание, часто не хватает малого: уверенности себе, связей, – и все это можно получить в CWS.

АНДРЕЙ РУБАНОВ

1. Учитель.

2. Заработок, повышение собственной квалификации, моральный долг. Результаты совпадают с ожиданиями.

3. Могут, ничто не проходит бесследно.

АЛЕКСЕЙ ВДОВИН

1. В жанре биографии и биографических очерков – последнее. Я бы сказал, что он лишь тот, кто в совершенстве владеет ремеслом, технологией, алгоритмом и может сразу выдавать очень качественные тексты.

2. Наша цель – написать хороший биографический очерк, который может быть опубликован либо в альманахе, либо в хорошем издании (на бумаге или в сети). Результаты с ожиданиями не всегда совпадают: иногда получается гораздо лучше, а иногда – хуже.

3. В жанрах нон-фикшн, думаю, могут. Потому что нон-фикшн в гораздо большей степени технология, чем творчество.

ЕЛИЗАВЕТА ТИМОШЕНКО

1. Мне кажется, мастер, работающий с детьми, должен прежде всего быть старшим товарищем. Позиция «гуру» или «шамана» по-своему хороша и выгодна, но она подразумевает дистанцию и практически исключает возможность научиться чему-то у своих учеников. Преподавание детям похоже на плавание в бурном море: лучше не ставить конкретных целей, не руководствоваться стандартами и клише и просто наблюдать за тем, к чему приведет детей обсуждение книг и совместная работа.

2. У нашей мастерской не было заранее определенных целей. Мы двигались к тому, чтобы перестать воспринимать текст пассивно, начать задумываться о механизмах, работающих в произведении, о том, почему слова производят на нас то или иное впечатление. Мастерская для подростков давала ребятам возможность взглянуть на текст не с позиции читателя, а с позиции автора, и я думаю, этот опыт не прошел даром.

3. Я убеждена, что если школьное преподавание литературы хотя бы отчасти использовало методики, существующие в области creative writing, то на выходе из школы мы полу-

чали бы людей, чьи головы не забиты шаблонами и мертвой теорией, чьи души не заражены отвращением к чтению вообще, как это часто сейчас бывает. Мы получали бы людей, тонко чувствующих слово, понимающих, что книга – это не мертвый текст, а экзотическое блюдо, которое надо уметь есть. Чтение подобно геологоразведке: ценный минерал часто спрятан в толще пород, и достать его тяжело...

Безусловно, мы получили бы поколение совсем иных читателей. Но пока об этом приходится говорить только с частицей «бы».

ОЛЕГ ШВЕЦ

1. Конечно, каждый участник занятий воспринимает мастера по-своему. С моей точки зрения, эффективнее всего занятия складываются, если мастер воспринимается как старший товарищ, который может:

а) «показать класс», т.е. продемонстрировать как быстро и точно в литературном виде выразить ту или иную мысль, чувство;

б) путем диалога понять, что именно хотел бы выразить участник занятий и помочь ему это сделать советом и/или с помощью постановки соответствующей учебной задачи;

в) создать в учебной группе среду, которая будет поддерживать творчество и взаимную помощь участников, поможет участникам научиться давать и принимать обратную связь.

Отдельно отмечу, что такую помощь считаю крайне важной, как для тех, кому ее оказывают, так и для тех, кто ее оказывает. По моему опыту, часто глубокое осознание чужих текстов помогает участникам более успешно осознать и создавать свои, причем важно, чтобы предметом рассмотрения были именно тексты товарищей, живых людей, которых участники знают в лицо, а не примеры из книг. Не менее важно пишемому человеку научиться слушать то, что говорят о его текстах и получать от этого пользу.

2. У участников занятий могут быть разные цели. Когда после одного или нескольких занятий я узнаю группу чуть лучше, то стараюсь так или иначе ориентироваться на цели каждого участника. Если цели задаю я сам, то обычно стараюсь в первую очередь помочь участникам повысить уровень владения навыком творческого литературного письма, иными словами – помочь участникам научиться выражать свои мысли и чувства в литературной форме более точно, чем они делали это до того как поучаствовали в занятиях.

Что касается ожиданий, то, как правило, я ожидаю, что у участников появится осознание того что значит «создавать тексты», и что они как минимум один раз (а лучше – несколько) попробуют это сделать, а те, кто уже что-то писал, почувствуют, что стали быстрее, легче и точнее выражать свои чувства и мысли в литературной форме. Обычно эти ожидания оправдываются.

3. Да, считаю, что большее количество подобных курсов способно поднять средний уровень навыка творческого литературного письма в русской языковой среде, увеличить количество людей, которые готовы и пробуют выражать свои мысли и чувства в литературной форме, и, как следствие, увеличить количество тех, кто достигнет достаточного уровня писательского

навыка для того, чтобы сделать писательство своей профессией. И да, я буду рад и счастлив, если количество читаемых и издающихся русскоязычных писателей в природе вырастет.

ЕКАТЕРИНА ЛЯМИНА

1. Ни одно из предложенных определений. «Мастер» тоже, увы, звучит довольно претенциозно: шапочку с буквой «М», что ли, носить с собой и надевать в подтверждение, как герой известного романа? Себя я вижу, скорее, в роли того, с кем вместе можно сформулировать несколько «стартовых» вопросов к собственной памяти, личной и социальной, увидеть и обдумать ответы, посмотреть, что из этих ответов ложится на бумагу и как лучше это сделать, имея в виду особенности как non-fiction, так и fiction письма. Потом можно идти дальше: ставить новые вопросы, складывать получаемое в более или менее масштабную картину.

2. Поскольку описанный выше процесс бесконечен, то и конечной цели у мастерской, в сущности, нет. Есть открытый ряд промежуточных целей, индивидуальных для каждого, кто приходит в мастерскую. С моей точки зрения, результат почти всегда превосходит ожидания: очень многое, прошедшее отбор и обработку памятью, а затем извлеченное из нее, обдуманное и записанное, обретает право быть фактом литературы.

3. Если число таких фактов достигнет критического, то – да, это возможно.

ЕЛЕНА АВИНОВА

1. Старший товарищ.

2. Конечной цели нет – это только «запуск в открытый космос рисованных историй», главная цель мастерской – чтобы людям хотелось рассказывать истории в картинках и дальше, но на новом уровне, с осознанностью и пониманием процесса.

3. Конечно, могут. Именно сообщество, возникающее у людей в процессе тусовки на нашем проекте CWS – оно изменит будущее литературы, в этом нет сомнений.

Проза. Мастерские Ольги Славниковой (осень 2016 – весна 2017)

Наталия Веселова

Тореро

Виктор Васильевич Колобашкин, тридцати шести лет от роду, а попросту Витёк, проживал свою жизнь в деревне Карасёво с матушкой, Еленой Петровной – Бабленой, старухой тяжелого нрава, которую в деревне уважали и побаивались. Старожилы помнили, что когда-то, на излете советской эпохи, Витёк успел поработать трактористом в местном колхозе. Однако карьера его завершилась, едва начавшись: колхоз развалился, и с тех пор Витёк не работал ни дня. Баблена поначалу плакала злыми слезами и в сердцах несколько раз сильно поколотила сына, но тот с кротостью сносил побои и упреки: да, мол, виноват, не спорю – такой уж уродился, так что скоро Баблена в бессилии отступила. Муж Баблены умер давно, старшая дочь жила в городе с мужем и иногда помогала матери продуктами и деньгами, да и Витёк в хозяйстве был не совсем бесполезен: огород вскопать, воды принести, прибить-починить, хоть и из-под палки, но мог. Баблена смирилась, и зажили они с Витьком спокойной жизнью.

В довесок к невообразимой лени, природа наградила Витька на редкость несуразной внешностью. Был он роста высокого, тощий, к длинному туловищу ненадежно крепились такие же длинные руки, завершавшиеся несоразмерно крупными кистями, ноги были журавлиные, голову украшали огромные, розовые на просвет уши, мелкие, близко посаженные глазки, а нос напоминал осеннюю перезревшую картофелину. Нужно ли говорить, что Витёк был любимцем деревенской ребятни? Какими только прозвищами его ни награждали, что только ни вопили вслед. «Колобан-балабан, проглотил высотный кран», – это было самым безобидным. Но он только улыбался в ответ, растягивая до ушей без того большой рот и стыдливо обнажая редкие зубы.

С личным у Витька не складывалось, карасёвские женщины на него особенно не зарились, а искать невесту за пределами деревни он отказывался. Может быть, виною тому была его извечная лень, а может, соседка, рыжая почтальонша Дуся, в которую Витёк был давно и безнадежно влюблен. Любовь эта служила неиссякаемым источником шуток для карасёвцев, не исключая Дусинога мужа, который в Витьке соперника не видел и в глубине души ему даже сочувствовал. Каждый раз, собираясь в город, муж Дуси в шутку грозил Витьку пальцем – мол, смотри у меня, с моей бабой не балуй, а Витёк улыбался в ответ, щуря маленькие глазки.

Помимо Дуси, в Витькиной жизни было еще две сильные страсти: водка и коровы. И если с водкой было все просто и ясно – страсть эту, поистине роковую, он делил со всеми карасёвскими мужиками, – то история с коровами была куда интересней.

Карасёво – деревенька небольшая, скотину хозяйки хоть и держали, но на стадо не набиралось, поэтому коровы паслись на деревенском лугу поодиночке, на привязи. Корова – животное стадное, ведет себя смиренно, подчиняясь общей воле стада. Другое дело карасёвские коровы. Одиночество и несвобода со временем делали из них весьма неприятных животных, мечтающих забодать и растоптать любое живое существо, кроме собственной хозяйки. Время от времени коровьи мечты грозили воплотиться в жизнь: какая-нибудь срывалась с привязи. Устрашающе мотая рогатой головой и волоча за собой обрывок веревки, она, вначале медленно, будто не веря неожиданной свободе, но затем все быстрее и быстрее устремлялась вдоль

по деревне. «Корова сорвалась!» – раздавался чей-то истошный крик, его подхватывали еще и еще, и вот уже по всей деревне разносилась весть об опасности. Матери, схватив детей, поспешно уносили их в дома, гремели запорами калитки, деревенские улицы стремительно пустели, а зазевавшиеся карасёвцы в панике искали временное укрытие, взбираясь на заборы и ныряя в первые попавшиеся кусты. Тем временем жаждущее крови животное иноходью несло по деревне, размахивая хвостом и высоко вскидывая ноги, воплощая собой слепую, неподвластную карасёвцу стихию.

Но был, был в Карасёве человек, способный с этой стихией совладать. Хозяйка коровы, благоразумно не решаясь встать в такую минуту у своей любимицы на пути, задворками пробиралась к дому Баблены, чтоб заискивающим шепотом попросить Витьку «подсобить маленько с животиной». Баблена, молча поджав губы, уходила в дом, а Витёк вразвалочку, как бы нехотя, шел в сарай за большим залатанным мешком, долго встряхивал его, складывал хитрым, одному ему известным способом и, аккуратно заткнув мешок за пояс штанов, отправлялся укрощать корову. Это был его звездный час. Он шел по опустевшей деревенской улице, а карасёвцы с восхищением и страхом провожали его взглядами из своих укрытий. Витёк всегда заходил к корове спереди: приблизившись метров на двадцать, останавливался и спокойно ждал, опустив вдоль тела длинные руки с огромными ладонями. Корова, пораженная такой наглостью, осаживалась и некоторое время смотрела на него, опустив голову и шумно втягивая ноздрями воздух, будто размышляя, достойный ли противник перед ней. Витёк наблюдал за ней с безучастным видом. Все больше распаляясь от такой наглости, корова начинала мотать головой и взбрыкивать попеременно то передними, то задними ногами. Витёк доставал из-за пояса мешок и, насвистывая что-то, помахивал им в такт. Дойдя до крайней точки ярости и издав сиплое «мымы», животное устремлялось на своего противника, чтоб сейчас же поднять его на рога. Витёк не двигался с места. Когда корове оставалась до цели пара метров, у карасёвцев сердце привычно ухало вниз от ужаса и предвкушения, а Витёк легким, упругим движением отпрыгивал в сторону, пропуская разъяренное животное вперед всего в нескольких сантиметрах от себя, ловил большими ручищами обрывок веревки, дергал, разворачивая корову, и молниеносным движением набрасывал ей на голову мешок под одобрительные возгласы односельчан. Вскоре Витёк уже ласково похлопывал по холке ошарашено переминавшуюся буренку, а тем временем к ней уже спешила обрадованная хозяйка, на ходу соображая, не жирно ли будет Витьку литрушку или поднести чего поменьше. Витёк принимал награду со сдержанной радостью и в следующие несколько дней делался совершенно непригодным в хозяйстве, чем приводил Баблену в иступленный, но совершенно бессильный гнев.

Так и жили они, Витёк с Бабленой, не зная до поры, что судьба уже готовится свернуть с наезженной колеи на дорожки, доселе ими не хоженые. Тем временем Витьку исполнилось тридцать семь лет – роковой возраст для мужчины, но Витёк того не знал. Пушкин и Маяковский, Моцарт и Ван Гог, и множество других, великих и не очень, так и ушли в небытие, не переступив этого барьера. Но Витёк стихов не читал, живописью не интересовался, а из музыки предпочитал Русское радио – неведение его было поистине счастливым.

В тот день к Витьку прибежала запыхавшаяся и растрепанная Дуся: ее ласковая черная телка Ладушка, укушенная собакой бабки Нюры, взбесилась и загнала семидесятилетнюю Нюру на дерево, не давая бабке слезть и к себе никого не подпуская. Разомлевший от такого поворота событий, Витёк слотнул вдруг набежавший в горле ком, заткнул за пояс мешок и направился навстречу судьбе. Баблена в это время чистила в кухне лук и плакала совсем не луковыми слезами от внезапно придавившего ее глухого материнского страха.

Роя копытами землю и потрясая рогатой головой, Ладушка расхаживала вокруг старой рябины, в развилке которой, в двух метрах от земли, сидела бабка Нюра, крепко обняв ствол и поджав обутые в зеленые калоши ноги. Завидев Витьку, бабка Нюра заголосила: «Ой, Витенька! Сынок! Спасай бабку! Мочи нет держаться, сейчас упаду!». Оценив обстановку

и решив, что бабку нужно вызволять немедленно, Витёк направился к корове. Ладушка с еще большим остервенением принялась рыть землю, вздымая вокруг себя облака серой пыли – это сулило скорую развязку, и Витёк потянул из-за пояса мешок. Карасёво замерло в восторженном ужасе: перестали лаять собаки, не слышно было птиц, и даже бабка Нюра, не прекращавшая причитать все это время, примолкла.

Внезапно наступившую тишину нарушил какой-то звук, который все нарастал, и вот в конце улицы показалась легковушка – «Нива» цвета спелой вишни. Под изумленные взгляды карасёвцев «Нива» затормозила прямо напротив дома бабки Нюры, передняя дверь открылась, и из машины показалась обтянутая джинсой крепкая женская ножка в белой кроссовке, а затем и голова, несомненно, тоже женская, с копной медных кудряшек. Загипнотизированный этим зрелищем, Витёк совершенно забыл про корову.

Такую обиду Ладушка не могла стерпеть. В тот же миг она ринулась на Витьку и, на полете наклонив голову, вскинула его на рога. В последний миг Витёк понял, что совершил ошибку, но это не имело уже никакого значения. Презрев законы тяготения, он взмыл вверх, перелетел через коровью спину, с глухим стуком ударился о землю и остался лежать неподвижно. Исполнившая свое предназначение корова спокойно отошла в сторону и, миролюбиво помахивая хвостом, теперь с любопытством наблюдала, как к Витьку со всех сторон бегут люди, а бабка Нюра, косясь на Ладушку с опаской, проворно слезает с рябины.

Этого Витёк уже не видел. Таяло в воздухе Карасёво, и неведомый город, плавающийся в зыбком, жарком мареве, вставал перед ним. И слышался Витьку ликующий рев трибун, в котором тонул предсмертный хрип поверженного противника, и видел он, как прекрасные женщины, крича восторженные слова на неведомом языке, кидают ему цветы. И одна из них, самая прекрасная, полнорукая, сдобная, с богато выющимися волосами цвета меди, склонившись над ним, проговорила низким голосом: «Эй, мужик, ты чё? Ты живой?». А потом все померкло.

Витёк провалялся в больнице месяц: голову ему врачи подлатали, кости срослись сами. Медноволосая красавица оказалась племянницей бабы Нюры Машей, приехавшей навестить тетюшку в неурочный час. Маша была фермершей. Муж сбежал от нее два года назад, проиграв в битве характеров. Хозяйство у Маши было большим, прибыльным, управлялась со всем она сама и слыла бой-бабой, но в глубине души мечтала о каком-никаком – пусть тощеньком, но мужском – плече. Маша ездила к Витьку в больницу, кормила его с ложки домашним куриным бульоном, а когда тот поправился, увезла к себе. Уж что она в нем разглядела, кроме нее самой никто не знал.

Баблена страдала и даже ездила на ферму вызволять сыночка, но вернулась ни с чем и со временем смирилась. Витёк с Машей вскоре расписались. В свадебное путешествие вначале думали ехать в Испанию – уж очень Маше хотелось посмотреть на корриду. Но Витёк, когда узнал, что быков там убивают, наотрез отказался. Отдохнули в Геленджике, да так хорошо – лучше всех европ, вместе взятых.

Маша определила Витьку заведовать коровником, чтобы без дела не сидел. Коровы в стаде смирные, укрощения не требуют, поэтому Витёк былую сноровку совсем растерял и даже нагулял кое-где жирок. Характер у Витька так и остался мягким, командует фермерскими работниками он нехотя и только для виду. Те его любят и ни в грош не ставят, но из страха перед Машей зовут уважительно Виктором Васильевичем. Маша мужа тоже любит и называет ласково Витюшей. Бывает, Витёк добудет водки, напьется и рабочих подпойт, тогда Маша сильно сердится и гоняет его граблями по двору. Потом, конечно, прощает – живут они, можно сказать, в полной гармонии.

Иногда Витёк приезжает в Карасёво навестить мать. В деревне над ним больше не смеются. Дусин муж при встрече уважительно жмет ему руку, а Дуся вдруг пунцовеет лицом и тай-

ком о чем-то вздыхает. У Витька при виде Дуси сердце привычно сжимается, но быстро проходит – свою Машу он любит и побаивается немного.

Случается, Витёк вспоминает свое видение: раскаленный на солнце город, кровавый песок и чей-то предсмертный хрип, сливающийся с ревом толпы в оглушающий непостижимый поток, и кажется ему, что вот-вот ухватит он конец веревки и поймет что-то важное, но нет – все опять ускользает, оставив в душе Витька неясный, тревожный след. Тогда он идет к Маше, кладет голову ей на плечо, и его отпускает.

Юлия Геба

Десантник

Кира не любила День ВДВ. Она его опасалась. Ей всегда казались странными профессиональные праздники, а если они к тому же сопряжены с опасностью для окружающих... Впрочем, если не пойти второго августа прогуляться к фонтану в Парк культуры или на Поклонную гору, то можно этот день благополучно не заметить. Так она полагала. Наивная.

В тот вечер она возвращалась с работы и, как обычно, нырнула в метро на станции «Охотный Ряд». Поток служащих мощно устремлялся под землю, теснился и бурлил – и вдруг поверх голов возникло Нечто. Двухметрового роста верзила в камуфляжной форме, в тельняшке и голубом берете, с рюкзаком за необъятными плечами. Источая запах крепкого алкоголя, он отдувался, разрезая локтями толпу. Подойдя к турникету, служивый играючи перекинул через него ножищи в суровых армейских ботинках. Не обратив внимания на подскочившего работника метрополитена, подобострастно распахнувшего перед ним бесплатный проход. Не взглянув на полицейского, так же услужливо просиявшего. Все службы страны были крайне предупредительны к героям дня. И старались делать все, чтобы не задеть чувств празднующих, не раздражать, не побеспокоить нечаянным жестом.

Верзила двинулся вниз по эскалатору, сшибая пассажиров заплечным мешком. Жуткий тип. Живописен до анекдотичности. Таких огромных людей вживую Кире видеть не приходилось. Великан. Кинг-Конг. Циклоп. Могучий безобразный Полифем... «Наверное, спецназовец – бывший, а может, и сейчас служит. Думала, такие персонажи только в сказках встречаются или в античной мифологии. В любом случае, надо отстать от него», – размышляла она, замедляя шаг.

Машинально перейдя на «серую» ветку, Кира втиснулась в вагон, достала книжку, – путь предстоял неблизкий. Она почти уже вернулась к оставленному утром сюжету, жадно вгрызлась в строки.

Неожиданный удар в спину завалил ее на сидевших. Она с минуту побарахталась на чьих-то неопрятных коленях, успев подготовить гневную речь. Поднялась, собираясь разобраться с пассажиром, которому непременно хотелось пробраться в серединку вагона, но вовремя подавилась фразой, увидев, кто был этим неучтивым медведем. «Ну, естественно, приятель с „Охотного Ряда“ – надо ж было попасть с ним в один вагон», – с досадой поморщилась Кира.

Десантник пробирался по переполненному составу явно к определенной цели. Которой вот точно не было комфортное местечко для поездки! Целью оказалась молодая пара двадцати с небольшим лет. Яркие одетые, раскованные, они весело щебетали у дверей. Молодой человек носил очки в стильной оправе, которые, похоже, и привлекли внимание громилы. Он навис над ребятами и, судя по скупым движениям губ, обронил несколько слов или фонем. Пара ошутимо напряглась, но старательно имитировала дружелюбие и отвечала с демонстративным энтузиазмом. Совершенно очевидно, что собеседнику их ответы не требовались. Не слушая, своей громадной башкой он боднул молодого человека куда-то в переносицу. Раз-два-три. По звуку это напоминало колку орехов. Лицо жертвы моментально превратилось в месиво: нос, глаза, губы образовали кровавый винегрет, приправленный осколками очков. Парень скулил как шенок, даже не пытаясь обороняться. Девушка отчаянно подвывала. Верзила казался невозмутимым. Его глаза – мерзлые глаза рыбы с белками, испещренными красноватыми прожилками, – были безжизненны.

Кира растерянно завертела головой. Сиденье напротив, рассчитанное на шесть человек, традиционно занимали мужчины разных возрастов. Женщины с сумками стояли рядом. Услы-

шав заполошные крики, сидевшие, как по команде, прикрыли веки – звать, устали очень, мысленно съехидничала Кира. Женщины подняли гвалт, стали искать кнопку вызова машиниста. Нашли, но механизм не срабатывал. Откуда-то выскочила и забилась в истерике сильно беременная дама, требуя немедленно ее выпустить из подземки, пригрозив в противном случае родить тут же.

На станции пострадавшая пара вывалилась в открывшуюся дверь.

Десантник смачно, с коротким всхлипом, утер кулаком лицо, смахнув чужую кровь, поднял и нахлобучил на бритую голову свалившийся берет. Поезд тронулся. Вояка принялся обводить вагон стеклянным взором, выбирая новую жертву. «Защитники» еще плотнее прикрыли очи, еще крепче уснули, но лавка под ними чувствительно подрагивала, и эта пляска страха выдавала их – не так и крепок был дорожный сон.

Итак, взгляд верзилы скакал по лицам пассажиров, как шарик американской рулетки, пока не остановился... Кира проследила, на какой ячейке застряло чертово колесо, услышала довольный хмык удачливого игрока. Выбор был предсказуем – с очкариками и маменькиными сынками разобрались, пора заняться «черножопыми». В фокус бойца попал азиат, лет тридцати, худой до черноты, бедно одетый, с полиэтиленовым пакетом в руках. Из тех, что с недавних пор заплонили Москву по самые маковки. Одних приезжих Кира жалела, другие вызывали раздражение. Они елозили по подъездам грязными тряпками, зимой скребли лопатами тротуары, летом мели те же тротуары и рыли бесконечные ямы. Они составили персонал всех продуктовых магазинов в округе, вывешивая на товары ценники с чудовищными надписями, вроде «марков» или «кифир». Они готовили несъедобное варево в неопрятных кафешках и в дорогих ресторанах столицы. Этот азиат, скорее всего, таджик, был нетипичным представителем своего этноса из-за приличного роста – не меньше метра восьмидесяти пяти, прикинула Кира. Однако рядом с солдатом гляделся годовалым малышом. Он не видел предыдущего избияния, поэтому удивленно воззрился на надвигающегося громилу и даже застенчиво ему улыбнулся.

На этот раз десантник обошелся без разговорных прелюдий и сразу опустил кулак на голову таджика. Он орудовал им как кувалдой – методично, основательно. Будто сваи вбивал. Кира никогда не видела таких мощных рук. Верзила обладал нечеловеческой силой, дополненной навыками профессионального убийцы. В отличие от первой жертвы, таджик яростно сопротивлялся. Он размахивал кулаками и даже изредка попадал в чудовище, несмотря на то, что глаза его уже после первого удара были залиты кровью. Для верзилы это были комариные укусы. Более всего Киру вновь поразили его эмоциональная невовлеченность, отсутствие азарта – он как бы просто выполнял свою работу. Во время душегубства он не произносил ни звука – только планомерно бил, молотил, посапывая, а стеклянные глаза были все так же пусты и даже равнодушны. Таджик превращался в отбивную, женщины верещали, мужики «спали». На очередной станции азиат на четвереньках выполз из вагона. Его потертый пакет, рассыпавшись нехитрым скарбом, поехал дальше.

Вместе с таджиком на платформу вывалился практически весь вагон. Кира помчалась к полицейскому. Сублильный мальчик (верзиле бы пятеро таких – на один зуб), не торопясь, брезгливо осмотрел изувеченного таджика и вызвал «скорую». «Скажите, чтобы его арестовали!» – кричали тетки. «Сообшу, чтобы задержали по ходу поезда», – флегматично отбивался блюститель порядка. Но выполнять обещанное не спешил.

Таджик сидел на полу и плакал. Тихо и горько. Кира его поняла, почувствовала, что рыдал он не столько от боли, сколько от обиды, внезапного незаслуженного унижения, от бессилия. Три минуты, расплосовавшие жизнь. А ведь мог сесть в другой поезд. Что это – случайность, рок?..

И не рука ли судьбы направляла еще одного участника драмы?

К злополучному поезду, готовому тронуться, на всех парусах неся человек. Молодой смазливый азиат, маленький, ладно скроенный, в брючках по моде их региона – строго в облипку. «Стой! Нельзя!», – завопили свидетели недавних событий. Пока парень удивленно вертелся, двери поезда прямо перед ним захлопнулись. Но не успели зрители облегченно выдохнуть, как они снова буквально на мгновение приоткрылись, и азиат впорхнул внутрь. Легко. Как бабочка. Точнехонько в объятия современного Минотавра.

Ловушка захлопнулась.

Десантник уже успел надеть наушники – видимо, собираясь немного расслабиться. А тут такой подарок...

Последнее, что Кира увидела сквозь стекло убегающего вагона, было рыбе лицо верзилы, на котором впервые появилось выражение – тень легкого удовлетворения.

А потом во всю ширь расплзлась садистская улыбка.

Нонна Гудиева

Поэзия

Поэзия вылетела из стойла, рванула вперед, отталкиваясь сильными ногами, сразу, почти с места, набирая скорость.

Тра-та-та-та, тра-та-та-та – она выбивала резкую дробь, разгоняясь все сильнее. Клещ приподнялся в стремях, убрал вес с крупа, пригнулся, заработал поводом, перестроился с десятого места на третье.

Дробь учащалась. Поэзия была сухой, легкой, сразу уходила на максимум. За спиной гас плотный рокот копыт соперников, и лишь справа еще держался, пытался не отстать вороной Фокстрот, основной противник. Через плечо Клещ заметил, как Фокстрот, повернув голову, косит глазом на Поэзию, любопытничает.

– Глупый, – и Клещ, поддав шенкелей, вынес Поэзию далеко вперед.

– Ну, теперь любуйся! – оглянулся насмешливо на превратившегося в застывшую скульптуру Фокстрота.

Он знал, что бывают лошади, не терпящие соперничества на беговом круге, которые, едва увидев кого-то рядом, тут же вырываются вперед.

Но то великие лошади, презрительно подумал Клещ, Фокстроту же никогда не сравниться с Поэзией...

Клещ родителей потерял рано, во время войны, остался один, вырос на конюшне, все его предки были конниками, более века с рук на руки передавали вожжи. Привык вставать затемно, кормить лошадей, чистить стойла, больше его ничто не интересовало. Таких ребят, как он, на конюшне хватало, их так и называли – конмальчики. Только не каждому из них удавалось стать великим наездником, но мечтали об этом все. Клеща же в жокейском деле ничему учить не пришлось, голова, руки, чутье всегда были при нем, все знал, понимал необъяснимое. Он был жокеем прирожденным, без математики умел в галопе высчитать ту секунду, когда пора пойти на рывок, увеличить пейс, дать лошади посыл! И комплекцией вышел подходящей – мелкий, метр шестьдесят, ни капли жира, хотя женщинам всегда нравился. С утра, на завтрак, выпивал яйцо и до ужина уже не ел, голодал, на скачки даже кальсоны не надевал, чтобы быть легче. Характер въедливый – уж если во что вцепится... Одним словом – Клещ.

В первый же год, как начал соревноваться, участвовал в пятидесяти забегах и все выиграл, получил звание жокея. Потому что бесстрашный был и злой, резал всех на дорожке, человек-лезвие.

Тренер Дорофеев, учил Клеща:

– В чем сила жокейства, знаешь? В слитности с лошастью, вы как один организм должны быть, а еще чуйку надо иметь и спросить с коня ровно то, на что он способен...

Но в жокейском деле быть мастером недостаточно – Клещу нужна была лошадь.

И Клещ искал – быстрюю, безудержную, отважную, чуткую, как музыкальный инструмент, с бойцовским характером чемпиона, словом, подобную себе.

После войны лошадей не хватало, они частью погибли, много племенных угнали немцы, надо было заново поднимать породу, заниматься селекцией. Вечерами, в квартирке при конюшне, ужинали с Дорофеевым, пили чай, и любой разговор непременно переходил на лошадей. Дорофеев рассказывал:

– Надо искать потомка по линии Марсея и Резвой, были бы деньги, я бы годовичка этой линии у англичан поискал. Одного мне даже предлагали, с рахитом немножко, но ничего, для

породы сгодился бы. Или спермы хорошей достать, пару колбочек, подобрать кобыл известных кровей, из наших старых почтенных линий, где видны еще Пуля, или Грымза, вот тебе и Флоризель, в пятом колене...

– Но в России была эта линия, через Дерзкого, внука Флоризеля. Где же она?

– Война! – припечатал Дорофеев. – Как я детей Флоризеля искал! Их угнали во время оккупации. Линия эта вся ушла у нас в матки, а нам нужен жеребец из этого семейства. Так и знай, если Флоризель в родословной сидит, там настоящий класс.

Клещ слушал, запоминал, представлял, как конюшню наполнят верховые чистокровные, ведь жизнь таких лошадей просчитана по племенным книгам еще до рождения. Наблюдал жеребых кобыл, зная, что кровная лошадь воспитывается еще в брюхе матери. Клещ чувствовал все заранее – и масть, и приметы, и сложение еще не родившегося жеребенка. Следил за новорожденными, сосунками, и стоило жеребенку показать норы, проявить свой характер, присматривался особенно, вдруг растет победитель? Вокруг жеребят на конюшне всегда круговерть, священнодействие – глаз с них не спускают, берегут, ухаживают. Но детство лошадиное короткое, скоро наденут ему недоуздок, затем уздечку, а только исполнится ему полтора года, узнает он, что такое седло. С двух лет лошадь на ипподроме, а в три-четыре года должна быть готова к решающим испытаниям, крупнейшим призам...

Дошли до первого поворота, и на повороте Клещ прибавил еще. Трибуны взревели, кто-то вскакивал с мест, бежал к ограде: не каждый день увидишь такую лошадь. Поэзия, будто почувствовав энергию трибун, сбилась на секунду и сразу взвилась в бешеном карьере, вытянула круп, ноги едва касались земли. Тррра-тррра-тррра— чистили копыта. Они летели первые, привычно оставив всех позади.

А ведь еще несколько лет назад никто не поставил бы на Поэзию и копейку, настолько слабый, захудалый родился жеребенок, с распухшими коленными суставами. Хотя мастью удалась, яркая, красно-каштановая, с тремя белыми носочками и узкой звездочкой на лбу. Тренер Дорофеев отвел Клеща в сторону: «Ты на нее время не трать, хоть и чистокровка, но сам видишь, что с ногами. Оглядишь, может, еще кого присмотришь».

Но Клещу в душу запала эта кобылка. Он сразу приметил, что колени выпирают, только когда она стоит, но как переходит на аллюр, сразу появляется стая. И характером была пылкая, отзывчивая, Клещ это всегда в лошадях ценил. Товарищи подшучивали: «Хромает Поэзия?»

Клещ молчал, что с дураков взять.

То, что Поэзия хромает, Клеща не смущало, у него на этот счет была собственная теория разработана, он считал, что у настоящей чистокровной любой дефект – это особый шик, отличие. Но главное, что искал Клещ в лошади – любовь к резвым аллюрам, бойцовский характер, благородство темперамента – всего этого было в Поэзии с избытком!

И не ошибся – первую же скачку Клещ с Поэзией выиграли.

Дорофеев удивлялся: «Надо же, какая мать у нее была бесцветная, а вот на тебе, выстрелила порода, дала!»

Дальше пошло по нарастающей, ни одного соревнования Поэзия не проиграла. Последние скачки, Всесоюзный кубок, взяли легко, Клещ понимал – соперников им нет. Поэзия на финише обошла всех на четыре корпуса.

Уже их знали, были свои поклонники, Клещ слышал, как на трибунах кричат, поддерживают. Конмалычки в конюшне шептались за спиной, цитировали Клеща, копировали его посадку, пришла известность, слава...

И впервые, как выиграл Клещ чемпионат, посмел он вслух произнести сокровенное: значит, можно готовиться к международным скачкам? Это была его мечта, да об этом каждый жокей мечтает.

И все сбылось, месяца не прошло, как Дорофеев сказал: «Удача поперла, тебя выбрали, поедешь на Гётеборгский гандикап!» Клещ заволновался, но больше злой азарт его захлестывал, хотелось ему помериться силами с лучшими европейскими наездниками, проверить, так ли высок их класс.

Ехали на поезде, потом на пароме. Против самолета Дорофеев возражал – температура после перелета у лошадей поднималась до сорока градусов.

В поезде приготовили для Поэзии отдельный вагон, соорудили стойло, натаскали сена, поставили бочку с водой, бросили в нее деревянный круг, чтобы вода в пути не расплескалась. Клещ повесил фонарь, прикрутил фитиль, привел Поэзию – вагон ожил. Путь занял неделю.

Поэзия в поезде застаивалась, приходилось останавливаться, делать кобыле проводки. Клещ с Дорофеевым тревожились, утро начинали с проверки – поела ли Поэзия овес? Если перестанет есть – это плохой знак.

На пароме Поэзии выделили нижний трюм, команда приходила на нее смотреть, никто из шведов раньше такой масти не видел. Капитан больше всех к ней прикипел, спускался в трюм любоваться, приносил морковь, яблоки. Как-то похвалился перед Дорофеевым: «У меня на ферме тоже есть лошадь!»

Дорофеев ухмыльнулся: не все то лошадь, что хвост и гриву имеет!

Наконец, пришли в Гётеборг, команда на пароме выстроилась прощаться. Клещ по трапу вывел Поэзию. Кобыла, почувствовав землю, неожиданно заиграла, затанцевала, подошла, положила морду Клещу на плечо. Клещ потрепал ее за ухом – настроение у кобылы хорошее, это к удаче!

Жить их определили на ипподром, всего день дали с дороги на отдых. Клещ внутренне собрался, сосредоточился: близость скачек чувствовалась вокруг, даже сам воздух наэлектризовался. Лошади это понимают раньше всех, они даже угадывают, кому сегодня скакать, начинают нервничать. А у Клеща тянущая боль поселилось под сердцем. Вида Клещ не показывал, но знал, что все жокеи так, переживают.

Успокоился только перед самой скачкой, решил сделать легкую размашку, проехаться, открыть у Поэзии дыхание. Посмотрел на трибуны, на прибывающую под музыку нарядную публику, сел в седло. Знал, что выглядит эффектно, в шелковом камзоле, в жокейском шлеме. Чувствовал, что иностранцы смотрят на него, обсуждают. Поехал вдоль трибун, щека, обращенная к публике, горела.

Разогревать особенно Поэзию не стал: она пылкая, ей это не нужно, ей стоит шепнуть на ухо – она в карьер, мигом принимает посыл!

Наконец, завели в стартовое стойло, настолько тесное, что колени Клеща прижались к стенкам. Поэзия нервно водила ушами, тоже ждала сигнального выстрела.

Выстрел!

Клещ не мог бы объяснить словами, как действовали тогда его руки, управлявшие поводом, как упирались они в мокрую от пота шею лошади, как нога держала стремя. Повис в воздухе. Резвость предельная, но, кажется, все замирает, как в замедленной съемке.

Соперники дышат сзади, сбоку, земля летит из-под копыт, ряды трибун закрыли небо.

Шведы идут впереди и справа, кучно. Ясно, договорились между собой, зажали Клеща в коробочку, перекрыли беговой круг. Думают, что возьмут на выносливость, а вот и нет, Клеща не возьмешь, он померяется силой!

Второй круг так и прошли, рядом, ноздря в ноздю. На трибуне мелькнуло взволнованное лицо Дорофеева. «Что медлишь, так и за флагом остаться недолго!» – читалось на нем.

Но на третьем круге Клещ достал хлыст, поставил параллельно крупу, хотя он лошадь не бил, он обозначал удар. Пригнулся к Поэзии: «Ну, милая, пора!»

Трибуны выдохнули: «Ааах!»

Мгновенная передышка и бросок, как бросок хищного зверя. Клещ навис над лошадыю. Пейс приличный.

Мистер, каурый англичанин, захватил голову бега. Но и его первенство оказалось недолгим, потому что пегий Чарли, в белых яблоках, вылетел вперед. Он делал бег не для себя, явно резал Мистера ради соконюшенника своего, который уже подбирался к ведущим лошадям.

Трибуна гудела, фаворит выходил на последнюю прямую. Но двое других не уступали, и три лидера шли голова в голову, ноздря к ноздре, отчаянно резались они между собой. Вдруг немыслимый вопль разорвал воздух, Клещ мызгнул, завизжал, как в детстве, и Поэзия, в повороте державшаяся где-то пятой, вдруг высунула у самого столба полголовы впереди соперников. Еще рывок, и все, летим одни, рядом никого...

У Поэзии ходили ходуном ноздри, бока в пахах, Дорофеев, размахивая руками, бежал к Клещу:

– Наш, наш приз, победили!

Тогда, после Гётеборга, Клещ решил, что нет им равных. Почти сразу, перерыв небольшой, поехали в Кёльн, на Кубок Европы. Предстояло сразиться с самим Люцифером.

Люцифер был феноменальный, выдающийся, талантливый, не знавший проигрышей. Статью он не вышел, круп у него был настолько покатый, что ни один жокей не мог на нем усидеть. На Люцифера махнули рукой, пока не появился Рыжий Смит, жокей, решивший, что они с покатым конем очень похожи. И действительно, была между жокеем и лошадыю какая-то особая связь, и с этого момента началось восхождение Люцифера. Соперников ему не было – да никто и не стремился с ним состязаться, знали, что проиграют.

Клещ перед скачками подготовился, выработал стратегию, решил, что будет бороться до последнего, что бы ни случилось...

Он был уже у полукруга, когда услышал и понял: вот он!

На них надвигался Люцифер – «лошадь века». Только что он был позади, и вот уже глотает Клещ пыль из-под его копыт.

Собирался Клещ резаться, выматывать Люцифера, бить на силу. Но лошадь, чей класс измеряется «веком» – это другой масштаб... Клещ понял, им не выиграть, и уступил сильнейшему, пусть Люцифер делает скачку...

После скачки к Клещу подошел переводчик.

– Мистер Частэн устраивает прием и просит Вас быть у него сегодня вечером. Он хочет познакомиться с русским наездником!

– Это еще кто? – Клещ повернулся к Дорофееву.

– Частэн, крупный коннозаводчик, надо идти...

На приеме Частэн, после первых приветствий, подошел к Клещу, пригласил посмотреть конюшню.

Конюшня Клеща потрясла: чистота, как в больнице, для жеребых кобыл закрытые денники, красиво, стояла с резными деревянными воротами, рядом процедурная, даже операционная своя есть. В стойлах лошади, всех мастей, любовно собранные Частэном со всего мира.

Дорофеев шел позади, всплескивал руками, охал, переводчик тараторил без умолку, рассказывал про скакунов.

– А это Келсо, внук вашего русского жеребца Флоризеля, – и переводчик, влекомый Частэном, двинулся было дальше.

Дорофеев схватился за сердце, другой рукой вцепился Клещу в плечо: потомок Флоризеля!

Остановились. Дорофеев, размахивая руками, стал объяснять, как нужен им для селекции потомок именно этой линии.

Частэн кивал, вежливо улыбался, пригласил в дом.

После ужина, когда все поели и выпили, вышли на террасу, в сад, расположились в шезлонгах вокруг низкого стола.

– Идет, – сказал Частэн. – Я могу продать вам Келсо, за хорошую цену, но только потому, что моя жена русская, из России.

Дорофеев побледнел, сжал кулаки:

– Эх, мы бы горы своротили, будь у нас Келсо!

Наутро пришел переводчик с письмом от Частэна. Цена была неподъемной, конюшня такую лошадь купить не сможет...

С Частэном расстались дружески, на прощанье Клещ пожал ему руку, посмотрел в глаза:

– Я вернусь за Келсо, хочу его купить...

– Хорошо, у вас есть два месяца. Если вы не выкупите его за это время, я продам его другому, у меня на Келсо есть покупатель.

Клещ перестал есть, потерял сон. Его будущие победы зависели теперь от Келсо...

Идея появилась не сразу, но, когда Клещ додумал все до конца, немедленно начал действовать. Время утекало стремительно. Решил участвовать в Стокгольмском гандикапе. Дорофеев возражал, Поэзии нужен был отдых, но Клещ слушать ничего не хотел, настоял на своем. Изучил программу скачек. Единственным достойным соперником был вороной Фокстрот, под шведским жокеем. Нужный человек, барыга, игрок на тотализаторе, тоже нашелся, гарантировал, что в Стокгольме, через третьих лиц, поставит на Фокстрота, обозначил Клещу предполагаемую сумму выигрыша.

Дело оставалось за малым. Чтобы получить деньги, Клещ должен был проиграть Фокстроту.

...Вышли на третий круг. Поэзия устала, дышала тяжело, ее шея была мокрой от пота. Клещ не оставил ей сил, измотал в самом начале скачки, и она выгорела, выдала все возможное.

Клещ обернулся. Швед размахивал хлыстом, догонял, набирал скорость, увеличивал пейс. Остальные лошади шли плотно, далеко, силы примерно у всех были равные.

Беговой круг после дождя утопал в воде, отчего скакать было вдвойне тяжело. Клещ неприметно, но настойчиво тянул повод на себя, осаживая Поэзию. Ее галоп прореживался, замедлялся.

Клещ уже слышал тяжелое дыхание Фокстрота, видел, что вороной показывает максимальный пейс, уже пару раз его обдало веером брызг из-под его копыт. Расстояние сокращалось, швед добавил шенкеля, хлыст свистел в его руке, жокей лупил Фокстрота сплеча. Впервые шведу удалось так близко подойти к Поэзии. Еще чуть-чуть поднажать, еще рывок, и он выйдет вперед. Остался корпус, потом полкорпуса, вот они идут ноздря в ноздю, бока Поэзии ходят как мехи, ходуном, вот сбоку выплывает лицо шведа, сосредоточенное, с плотно сжатыми губами, вытянутая вперед морда Фокстрота устремлена к цели.

До финиша осталось немного, полкруга, Фокстрот обошел их почти на три корпуса. Комья мокрой земли из-под его копыт ударили Клеща в лицо, и швед, обернувшись, ликующе мызгнул, показал зубы. Швед, как и Клещ, знал, что нет такой лошади, которая смогла бы сделать два резвых броска на дистанции, а Поэзия исчерпала силы еще в начале скачки.

– Тише, тише, – Клещ наклонился к уху Поэзии, работая поводом.

Поэзия дышала тяжело, с хрипом, потная шея горела, бока вздымались, она то и дело сбивалась на мах, расстояние между ними и шведом неумолимо увеличивалось.

И вдруг Клещ почувствовал, что настроение Поэзии изменилось. Шаг стал ритмичней, она выровнялась, и заработала так, будто у нее открылось второе дыхание. Вот уже до Фокстрота осталось два корпуса, один, полкорпуса, они опять выходили вперед, в голову скачки.

Клещ тянул повод на себя, но Поэзия, прижав уши, как заведенная, упрямо набирала скорость...

Клещ растерялся, Поэзия словно не замечая жокея, делала свою скачку, продолжала борьбу, ведь по-другому она не умела...

И тогда Клещ достал хлыст, прицелился, ударил сильно, метко, по голове лошади, как только он мог... Поэзия взвилась от неожиданности, будто выпрыгнула с места, и в бешеном карьере понеслась вперед, наперерез Фокстроту.

Трибуны орали, безумствовали – лидер менялся у столба, перед самым финишем, Фокстрот, почти победивший, вороной Фокстрот с каждой секундой уступал Поэзии по сантиметру. Клещ взмахнул хлыстом, ударил еще раз, пытаясь осадить лошадь. Поэзия рванулась, и в этот момент раздался треск, как будто сломалась деревянная палка. Поэзия, с болтающейся, сломанной передней ногой, наконец-то замедлила ход.

Клещ будто оглох и ослеп, но все видел и слышал – и застывшие, замолчавшие трибуны, и Фокстрота, финиширующего в полнейшей тишине, и машины скорой помощи, несущиеся к упавшей Поэзии.

В отеле, подходя к номеру, Клещ услышал, как надывается телефон. Вошел, поднял трубку. Звонил барыга.

–Ну братан, ты мастер, не знал бы – никогда бы не поверил! Я сегодня чуть не поседел – сколько деньжищ на кону было, думал все, уйдут! А ты молоток, как будто взаправду проиграл! И то, что лошадь не пожалел, правильно, теперь ты таких лошадей с десятков купишь! Жди, через полчаса с деньгами подъеду!

Клещ не дослушал барыгу, тихо положил трубку на рычаги, вышел в коридор, закрыл за собой дверь.

Александра Диас

Вы оштрафованы

Ни одна голливудская киностудия не обладает таким количеством камер, какое есть в любом торговом центре. Они везде: в подсобках, в коридорах, в торговых залах, на парковках, на фудкортах, на кухнях, в местах для курения, в подвалах, в технических помещениях, в лифтах, в детских комнатах, в примерочных и в туалетах.

Но тебе, покупатель, не стоит переживать по этому поводу. Большой брат следит не за тобой. Он следит за нами – работниками торговых центров.

9:27. Я бегу по торговому центру и проклинаю архитектора, проектировавшего эти бесконечные ряды. Если правильно дышать и беречь силы для последнего рывка, я добегу до магазина ровно за три минуты. Я не могу опоздать. Если опоздаю – влепят штраф.

9:30. Я достаю из кармана ключ, открываю замок, поднимаю железные двери ровно до половины (как прописано в правилах). Вот и оно – мое царство шелка и кружев. Полчаса на то, чтобы переодеться, привести зал в порядок, вытереть скопившуюся за ночь пыль и настроиться на десятичасовой рабочий день.

9:55. В зал входит Яна – менеджер. Опытным ревизорским глазом она оценивает готовность магазина к приходу посетителей.

– Саша! Мы забыли надеть трусы!

Блин! Новый комплект белья лежит в подсобке, хотя еще вчера его нужно было надеть на манекен. Пластиковая женщина возмущенно смотрит с пьедестала: мол, первое июня на дворе, а я тут стою как дура в весенней коллекции.

Если будет проверка по камерам – точно оштрафуют.

Оскальзываясь на белом кафеле, бегу в подсобку за новым комплектом.

9:56. У меня ровно четыре минуты, чтобы переодеть манекен. Надеть трусы – не такое уж сложное дело. Но надеть трусы на пластиковую женщину, которая, несмотря на свои идеальные параметры, весит как танк, – задача потруднее. К тому же, манекены не склонны проявлять гибкость в вопросах переодевания. За четыре минуты надо открутить ступни с подставки, потом стащить манекен на пол, открутить левую ногу (потому что она изогнута в колене для более естественного вида), затем уже снять старое исподнее и натянуть новое.

10:01. Пластиковая женщина все еще распластана на полу в совершенно бесстыдной позе, с растрепанными волосами и без одной ноги, а я с видом похотливого сатира остервенело стягиваю с нее последнюю одежду. В двери заглядывает охранник и грозит мне пальцем: «Открывать пора уже!».

Готово! Хотя не совсем... Еще одна сложность в переодевании манекенов состоит в том, что таких худых женщин в природе не бывает, а если и бывают, то они точно не расхаживают по торговым центрам, а усиленно лечатся от ленточного червя, язвенного колита или еще чего похуже. Поэтому белье на манекене надо подоткнуть и кое-где заколоть булавкой, чтобы оно смотрелось призывно и соблазнительно, а не как сейчас – повисший парус на измученном долгим штилем корабле.

10:04. Я ставлю манекен обратно на подставку, вытираю пот со лба тряпкой, которой десять минут назад вытирала пыль, и удовлетворенно распахиваю двери своего царства. Добро пожаловать!

10:10. Как же. До часу дня сюда даже мухи не залетают. Я стою за кассой и молюсь о блуждающем покупателе, который зайдет за какой-нибудь мелочью и украдет хотя бы парочку из моего бесконечного запаса минут.

Потому что: телефон – нельзя, читать – нельзя, курить – нельзя, в туалет – нельзя, оставлять кассу – нельзя, а еще нельзя сидеть и вообще принимать удобное телу положение. Иначе – штраф.

10:40. Я уже проспирала в голове все французские неправильные глаголы, а до прихода второго продавца еще один час двадцать минут. Ровно через один час двадцать минут я смогу отойти покурить. А если очень потороплюсь – успею забежать в туалет.

13:30. Обеденный перерыв. Ровно полчаса, чтобы:

– добежать до «Ашана», и там, протискиваясь между домохозяйками, придирчиво изучающими калорийность всего содержимого гипермаркета, схватить булку с изюмом;

– метнуться в противоположный конец зала, мимо отделов с макаронными изделиями, крупами, мясом, овощами, заморозкой, чаем, десертами, алкоголем, детским питанием и товарами для дома, до полок с молочкой, и схватить холодный тетрапак с ряженкой внутри;

– подойти к кассе и попытаться влезть без очереди;

– добежать до ближайшего выхода из торгового центра, по пути заталкивая в себя купленную только что булку;

– покурить, запивая сигаретный дым сладкой ряженкой;

– вернуться обратно в магазин.

Опаздывать нельзя. Вы помните – штраф.

14:00. Я на месте. В зал входит первый за день посетитель. Мужчина. Я подхожу к нему, натянув рабочую бесстрастно-вежливую улыбку: «Вам что-нибудь подсказать?» (Эту сакраментальную фразу мне выдали вместе с трехсотпятидесятистраничной инструкцией поведения продавца-консультанта).

– Да, вы знаете, я хочу купить комплект для своей девушки. Ну там, лифчик и все остальное. Вот этот мне нравится.

– Отличный выбор! Может, вы знаете, какой у нее размер?

– 80В, но можно, в принципе, попробовать 75С.

Ну, тут я наврала немножко. Конечно, он так не ответил. Ни один мужчина в истории не ответил на этот вопрос правильно. Обычно, когда я спрашиваю у покупателя о размере груди его жены, он даже не пытается вспомнить, что написано на ярлычке ее бюстгалтера. Вместо этого он направляет взгляд на ближайшую грудь в поле зрения – то есть, на мою. Смотрит долго, секунд десять, потом немного шурится, настраивая глазомер. А в конце выносит вердикт: «Ну, примерно чуть побольше вашей», – для пущей наглядности складывая ладонь чашечкой.

14:10. Мужчина ушел, шелестя подарочным пакетом с розовой ленточкой. А в примерочной меня ждет новый клиент – женщина с утягивающим бельем.

14:15. Я уже пять минут пытаюсь натянуть утягивающие шорты на совершенно не утягивающуюся женщину. Белая плоть живота угрожающе нависла над резинкой пояса, как подспевшее дрожжевое тесто над краем кастрюли. Кое-как мы заталкиваем живот в шорты, но тут же вываливается складка на спине – видимо, так работает закон сохранения энергии. Черт бы побрал этот глянец, утверждающий, что женщина может быть только одного размера, а если уж параметрами не вышла – будь добра, милочка, упакуйся как-нибудь покомпактнее.

14:25. Женщина расплачивается на кассе и забирает из моих рук розовый пакетик. Вечером, сидя на юбилее мужа в красном атласном платье и новых утягивающих шортах под ним, она будет, проклиная, вспоминать меня и не съест даже крошечной канапешки, чтобы вся эта тугая конструкция не разлетелась с треском по банкетному залу.

18:00. Второй перерыв на полчаса. Хочется есть. Повторяю свой забег. Опаздывать нельзя. Ну, вы помните – штраф.

21:55. Пять минут до конца смены. Время самых ненавистных клиентов: мы именуем их «ябыстры». Эти ураганские женщины объявляются в последний момент и с криками: «Я

быстро, только гляну!» – разносят весь магазин, чтобы продавец не смог уйти как минимум до полуночи, устраняя последствия их нашествия. Мечтаю когда-нибудь встать у них на пути и провозгласить: «Ты не пройдешь!». Но не могу – штраф.

Так я и знала! В зал входит усталая женщина с продуктовой тележкой, нагруженной туалетной бумагой, подгузниками и кульками с крупой. На детском сиденье тележки спит мальчик. Второй ребенок – девочка лет шести – плетется за матерью, задумчиво пожевывая соломинку, торчащую из давно опустевшей пачки сока: «Мам! Пойдем домой! Маааааааа!»

Я подпрыгиваю к заворуженно озирающейся женщине. «К сожалению, с тележками нельзя», – говорю я ей и делаю грустную мину, в которой нет ничего от настоящего сожаления. Женщина вздыхает, еще раз обегая взглядом такое близкое, но так быстро ставшее недоступным дамское счастье, и поворачивает тележку к выходу.

А так, наверное, хотелось купить, наконец, что-нибудь для себя. Забыть про списки дел и покупок и запархаться среди вешалок с атласом, муслином, шифоном, ажуром, гипюром и органзой. Но последняя надежда потратить оставшуюся тысячу рублей на себя разбилась о холодную стену моего профессионализма.

Ее ноги в зеленых кроксах тяжело ступают по полу. Девочка повисает на тележке, так что маме приходится тащить и ее тоже. Я смотрю им вслед, пока, наконец, не выдерживаю.

«Женщина! – заговорщицки шиплю я, – Жеенщина! Идите сюда!» Она оборачивается и улыбается широкой доброй улыбкой, какая бывает только у тех женщин, которых кто-то называет мамой. Я подвожу ее к комбинации из кружева, белого и легкого, как молочная пенка. Они – женщина и комбинация – осторожно знакомятся друг с другом, пока девочка бродит по залу и с интересом рассматривает трусики-стринги.

22:05. Последняя клиентка выходит из магазина, толкая перед собой тележку с детьми и долгожданной обновкой. В дверях она сталкивается с администратором, который заявился на ревизию именно сегодня. Именно сейчас.

22:10. «...К сожалению, вы будете оштрафованы».

Андрей Загоруйко

Город П

Город был молодой. Его жители, переехавшие из одноэтажных деревенских домов, привыкшие к собственному хозяйству, первым делом разделили поле за дорогой на участки и весной вскопали огороды, под окнами засадили цветами клумбы и огородили их шатким, деревянным штакетником. За огородным полем простиралась еще не тронутая лапами экскаваторов пашня, и каждый весенний день, пока новоявленные горожане подставляли свои согнутые спины рассветному солнцу, мимо них пастухи прогоняли стада животных, давно ставших членами семей и переехавших в многоэтажку вместе со своими человекоподобными родственниками.

Помимо деревенских жителей, квартиры заселяли те, кто уже примерял на себя механический каркас мегаполиса и, наконец, воплотил мечту о собственной квартире, оказавшись на волне городского выдоха, вынесшего жителей за свои границы. Первым делом они узнавали расписание общественного транспорта, знакомились с траффиком, интересовались наличием школ, детских садов, магазинов, торговых центров, баров, кино, спортзалов и прочим.

В городе была одна улица с единственным домом. Улица называлась Первой, а на доме висела табличка с тремя единицами – самой большой, говорящей о номере дома, и двумя другими, следующими за стрелками, предназначенными обозначать направления нумерации улицы. «Прямо, направо, налево пойдешь, все равно к первому дому придешь», – шутили жители. Вокруг дома, как мы уже упоминали, была построена двухполосная дорога, от нее ответвлялась другая, начинавшаяся со знака с перечеркнутым названием города – П.

Такое странное и одновременно лаконичное название город получил из-за формы своего на тот момент единственного дома. Дом заселялся постепенно. Квартиры, получившие своих жильцов, можно было отличить от пустующих по снятым со стекол заводским наклейкам или по кондиционерам. Большинство квартир были сквозными, то есть окна комнат выходили как наружу, так и во внутренний двор с видом на детскую площадку и на другие окна, смотревшие ответно в упор. Днем они казались одинаковыми, серыми и безучастными, но с наступлением темноты жизнь города преображалась.

Окна – стекла аквариума. Рыбья жизнь, где рыбы наблюдают за рыбами. Еще не отделенные от внешнего мира занавесками, люди включают свет по вечерам в комнатах и живут на расстоянии, далеко для вытянутой руки, но близком для глаз других жителей.

У города было два талисмана: петух и поросенок. Сначала хотели выбрать одно животное, однако после голосования победителя выявить не удалось. Количество голосов получилось неравным, и формально талисманом должен был стать поросенок, однако, большинство проголосовавших за петуха оказались физически сильнее своих оппонентов, и после подсчета бюллетеней назревал серьезный конфликт. Во избежание его силового разрешения и потенциального переворота во власти, администрация города приняла мудрое решение о двух талисманах, подчеркнув этим дружбу и единение жителей.

Когда деревня стала городом, появилась необходимость придумать ему логотип. Сначала выбрали букву «П» по названию города. Однако через несколько дней в администрацию пришло письмо из Перми с протестом по поводу выбранного в П символа. Не желая нажать себе

врагов в начале городской жизни, администрация приняла решение о разработке нового современного логотипа, подключив к работе местного художника.

Через несколько дней художник представил законченную работу.

Логотип состоял из прямоугольного щита, края которого изображали дорогу, построенную вокруг дома. В центре щита стоял сам дом, стилизованный под перевернутую букву «П». Строго говоря, стилизации не требовалось, и к рисованию логотипа, который больше был похож на герб английского аббатства, стоило подходить, следуя принципу «Не навреди».

На букве «П» по разные стороны сидели два талисмана города: петух и поросенок. Петух был застигнут в момент, когда, набрав полную грудь воздуха, он вот-вот должен был извергнуть из себя сакральное «Ку-ка-реку», приветствуя сияющее над ним солнце. Для яркости образа художник даже нарисовал язык, в струнку вытянутый из клюва, и выпучил талисману глаза. При этом казалось, что петух собирается съесть солнце или же он от него перегрелся, поэтому открыл клюв и, как лохматый пес в июльский полдень, высунул язык. Солнце было мелким, втиснутым в угол прямоугольного листа, как сильно проигрывающий боксер, который пытается дотянуть до гонга. Его образ пришел в голову художнику в самом конце работы, и недостающий размер светила он компенсировал жирным до выпуклости ярко-желтым пятном люминесцентной краски.

С другой стороны, закинув ногу на ногу, сидел поросенок. Штанов на нем не было, и поэтому он казался до порочности голым и стыдливым. Над поросенком светила полная луна, слегка скрытая облаками, и синеватый лунный отсвет был очень реалистично нанесен на правое поросенчье ухо, выделяющееся на фоне остальной нежной эротической розоватости его кожи.

Кроме дома, дороги и двух талисманов, художник учел основные отрасли, представленные в городе: аптеку, продуктовый магазин и тренажерный зал. Аптеку традиционно символизировала чаша, обвитая змеей. Так как места для этого символа уже не оставалось, то чашу художник поместил в лапу поросенка, а змею обвил вокруг ветви дерева, растущего из нижней части буквы «П» и развесившего свою крону между двумя талисманами. Змея, обвивая длинный сук, свисала над чашей, и, пока томный взгляд поросенка был обращен на петуха, она воровато лакала языком содержимое сосуда. Тренажерный зал был символически нанизан на мускулистые петушиные ляжки в виде блинов на его сапогах. Кроме этого, на сапогах висела красная бирка с надписью «Скидка 50%».

Годовщина со дня закладки фундамента дома. Почти как день рождения самого города, но больше напоминающий день зачатия. По этому случаю жителям было объявлено о грядущем празднике с салютом на центральной площади и праздничным концертом самодеятельности, составленным из выступлений местных талантов. Также в концерте должна была участвовать приглашенная звезда, но в день праздника выяснилось, что она заплутала и не смогла город найти. Еще когда город был деревней, ежегодно в тот же день, первого апреля, жители собирались по случаю дня рождения своего населенного пункта, после чего происходила не то ярмарка, не то карнавал, не то сабантуй, которые, впрочем, заканчивались всеобщим беспорядочным братанием жителей. Поэтому отсутствие приглашенной звезды вызвало в городе скорее приятную ностальгию по прошлой жизни, нежели досаду.

В этом году, в отличие от прошлых, все было иначе. В городе появилась администрация, состоявшая из бывших старейшин деревни, и ее выступление должно было открывать праздник. Затем начиналась торжественная часть, состоявшая из концерта, запуска талисманов города на воздушных шарах, стаи голубей в небе и торжественного салюта.

После окончания концерта на сцену вынесли небольшую корзину, в которую, под сочувственными и немного голодными взглядами толпы, посадили молодого петушка и юного поросенка, покрытого белесым пушком. К корзине по углам привязали по связке воздушных шаров, отчего та приподнялась над землей, удерживаемая синей и белой лентами, связанными посередине большим красивым бантом. Из корзины раздалось беспокойное хрюканье и хлопанье крыльев. По сценарию, корзина должна была подняться в небо, немного пролететь, а затем медленно спуститься. К ней был присоединен gps-маячок, по которому можно было определить место ее приземления. Чтобы животные не выпрыгнули во время полета, корзину плотно закрыли сверху, а поросенка еще и привязали, чтобы не раскачивал.

Мэр города вместе с женой – его заместителем – взялись за концы ленточек и под аплодисменты и крики зрителей потянули их в разные стороны. Корзина слегка качнулась и начала медленно подниматься. По мере ее подъема из окон первых этажей выпускали белых голубей, которые, сбиваясь в стаю, кружились вокруг корзины – мирный полет талисманам города. Вечерело, и на голубеющем небе уже появились бледный месяц и ранние звезды. Зрители молчали, вперевзгляд в дно удаляющейся корзины.

Когда корзина достигла уровня седьмого этажа, от сцены донесся странный шум, как будто кто-то включил телевизор без антенны на полную громкость. Через несколько секунд шум прекратился, и сразу же вслед корзине и голубям с земли вырвалась белая полоса, одним резким росчерком пополам разрезавшая небо. Через миг она исчезла, и в небе раздался первый взрыв. Вторя разлетающимся брызгам первого залпа салюта, в разные стороны разлетелись голуби. Небо разрезала вторая полоса, а за ней третья, взорвавшись по бокам от корзины, все также медленно плывущей ввысь.

Зрители закричали – кто восторженно, кто с ужасом. Корзина заметно раскачивалась из стороны в сторону. Салют продолжал бить, залпы рассыпались близко от корзины, больше напоминавшей ковчег во время бури, и зрители, как и петух с поросенком, могли лишь наблюдать за происходящим, не чувствуя в себе способности вмешаться. Одни начали яростно болеть за невольных воздухоплателей, другие, скрещивая пальцы, робко молились, третьи делали ставки, четвертые радовались салюту, думая, что все так и задумано. Еще несколько залпов – в одной из связок, поднимавших корзину, лопнули несколько шаров. Она накренилась и нырнула, одновременно откинулась ее крышка, из-под нее выскочил петух. Отчаянно размахивая крыльями, он полупетел-полупадал на толпу. «Петенька!», – раздался крик, и к месту падения выбежала женщина, держа перед собой натянутый подол. Петух сделал еще несколько взмахов и забился в складках юбки своей спасительницы. За женщиной из толпы выбежал мужчина и устремился туда, откуда бил салют. Подбежав к запалам, не зная толком, что с ними делать, он пнул их ногой и тут же в прыжке бросился на землю, опасаясь, что один из снарядов может в него попасть. Пачка качнулась и замерла, накренившись, залпы продолжали бить, но уже по окнам дома, расхлестывая их с тщательностью, с какой ребенок вынимает шоколадные конфеты из подарочной коробки.

Из корзины тем временем высунулся поросенок. Упираясь передними лапами, он накренил корзину настолько, что выпал и повис на веревке, которой был привязан. Салют продолжал выбивать стекла, поросенок плавно спускался, перебирая в воздухе лапами и оглашая окрестности отчаянным визгом. Толпа ринулась за корзиной.

Никто так и не узнал, что произошло на празднике. Одни говорили, что пиротехник был пьян и зажег фитиль, бросив тлеющий окурочок возле батареи салюта, другие уверяли, что он был трезв и просто перепутал время залпа, которое было указано в расписании праздника, при

этом не посмотрел на небо. В любом случае, пиротехник был не из местных, и до праздника, как и после, никто его не помнит или не видел.

Елена Каменцева

Ненавижу метро

Тусклый октябрьский вечер разливался по вокзальной площади. Водители на стоянке такси стояли, образовав темный неровный полукруг, и скучали в ожидании пассажиров. Молча курили, делая глубокие затяжки и обдумывая свои тягучие, как машинное масло, мысли. На другом конце площади, по ту сторону мокрой блестящей брусчатки, косо перерезанной трамвайными рельсами, бурлило вечернее метро. Встречные потоки пассажиров вливались в бетонный зев и поднимались вверх, в холодную сырость вечера. Там, в отличие от стоянки, кипела жизнь.

Один из водителей, плотный, коренастый мужчина, поднял голову, вынул желтыми прокуренными пальцами изо рта сигарку и сплюнул себе под ноги. «Вот, блин, понастроили. Без куска хлеба скоро останешься. Такое кольцо, сякое кольцо.... Копают, как кроты, мля...»

Остальные водители дружно, как по команде, подняли головы и посмотрели в сторону метро. Переглянувшись, решили, что тема заслуживает обсуждения.

«А че, конечно, теперь куда хошь можно на метро доехать!», – открыл дискуссию бело-брысый дрыщ в потрепанной кожанке не по размеру.

Разговор начался. Теперь можно было высказаться, отвести душу, попутно вкручивая истории «на бис», слушанные-переслушанные по сто раз, но работающие в любом разговоре, как смазка в моторе.

Потрепавшись вдоволь, пришли к выводу, что метро, конечно – зло, но вообще-то штука полезная. И разговор уже угасал, когда обычно молчаливый Витёк – молодой парень, не так давно присоединившийся к местному таксистскому братству, – не обращая ни к кому конкретно, отчетливо сказал: «А я ненавижу метро».

Мужики переглянулись, и пожилой с сигаркой спросил: «А это еще почему?»

И Витёк рассказал.

...Был он тогда моложе, чем теперь (мужики ухмыльнулись), закончил ПТУ на автомеханика, работал в автомастерской и ездил на метро. Все у него было хорошо, только вот девушки любимой не было. Ну, не лежала душа ни к кому конкретно. Так, на дискотеку сходить, ну, может, пару-другую месяцев встречаться, а чтобы серьезно – ну не находилась она.

И вот однажды, в самый обычный день, на своем обычном маршруте, на кольцевой, он увидел ЕЁ. «Я сразу понял, что это она. Не знаю, как. Ничего особенного в ней не было. Не фотомодель. Невысокая. Волосы уложены так... шапочкой. На щеке – родинка. Книжку читает. Пальчики тоненькие, а книга толстенная... Как же, думаю, она умудряется ее держать на весу? – Витёк зажег сигарету, затянулся и выпустил во влажный воздух облачко дыма. – Ну, я, конечно, к ней. Девушка, говорю, можно с вами познакомиться?»

– Ммм? – общий вдох.

– А она голову слегка так повернула, посмотрела. Нет, говорит, я в метро не знакомлюсь. И отвернулась.

– Ммм, – общий выдох.

– Девушка, – говорю. – Я же вас всю жизнь искал. Что ж теперь поделаться, если мы с вами в метро встретились? Вы мне оставьте свой телефон, я вам обещаю – в следующий раз мы с вами встретимся, где хотите! Хотите – в театре, хотите – в зоопарке, хотите – в ювелирном магазине! А хотите – в ЗАГСе встретимся!

Мужики одобрительно закивали – молодец, мол, Витёк, проявил фантазию.

– Смотрю, смягчилась, улыбается. Я свой телефон вынул – как раз тогда самую последнюю модель купил, собирал на нее три месяца. Вот, думаю, вовремя – не стыдно при девушке телефон достать! Она подняла глаза, на меня смотрит. А они такие! Искры там бегают, сверкает что-то, переливается... До мурашек ее глаза меня пробрали, честное слово! Ну, мы еще парой слов перекинулись, посмеялись, лед вроде тронулся, и продиктовала она мне свой телефон. Я обещаю ей позвонить сегодня же вечером, провожаю к выходу из вагона. На следующей станции она вышла. Катей ее звали...

Витёк замолчал, погрузившись в воспоминания.

Мужики постояли, переминаясь с ноги на ногу, потом кто-то нетерпеливо тряхнул головой – дальше-то чего?

Витёк моргнул, возвращаясь к реальности, вынул из пачки еще одну сигарету, покрутил между пальцами, продолжил:

– Ну, как она вышла, на меня волнение какое-то напало. Захотелось бежать, прыгать, кричать во все горло! А как кричать, я в метро! А внутри прямо горит все! Вот он – телефон, а в нем ее номер! И так я разволновался, сам не знаю, руки дрожали, что ли, я его как-то так крутанул, и он у меня упал – батарея отдельно, корпус отдельно. А я у двери, мне выходить, люди сзади напирают – на кольцо же всегда давка. Я скорей все похватал и из вагона.

Отошел в сторонку, собираю телефон – и тут у меня все внутри просто оборвалось: симки нет! Я еще раз все разбираю, ощупываю куртку, шарю по карманам – может, как-то случайно туда упала. Нету. Бросаюсь к платформе – может, там выронил. Нет!

Витек замолчал, всем своим видом передавая охватившее его в тот момент отчаяние.

– И чего? – спросил, наконец кто-то. – Не нашел?

Витёк помотал головой:

– Не нашел, – убитым голосом ответил он. – Я... я целый год потом по кольцевой ветке катался... Чуть психом не стал. Все вагоны на коленках облазил, меня даже в милицию сдавали, думали, ворюга. Ждал ее на остановках... в переходах... в поездах ждал...

– Так больше ни разу и не встретил? – с искренней жалостью переспросил белобрысый. – Совсем нигде?!

– Нет, – ответил Витёк, окончательно разламывая нераскуренную сигарету. Потом добавил: – Вы не представляете, как это – искать человека в метро. Сколько там людей. Ты стоишь на станции, а мимо тебя идут... отряды... Бесконечные. Все в одну сторону, у всех одинаковое выражение на лицах. Они тебя не замечают. Они все – чужие... Как будто они – мертвые, а ты – живой. Или ты – умер, а они все – живые. Ненавижу метро!

Мужики притихли. Вот ведь как не повезло парню. Да и то верно – как найти человека в метро! Иголка в стоге сена...

Разрядил обстановку пожилой таксист. Звучно хлопнув Витька по плечу, с чувством произнес:

– А и все к лучшему, Вить! Найдешь ты еще свою Катю, обязательно найдешь! Зуб даю! – и улыбнулся, сверкнув в свете фонарей золотым зубом.

Мужики заржали. Витёк улыбнулся:

–И с аллергией на метро жить можно – ничё!.. Мы на что?

–Да, уж ты-то, на что! – ответил кто-то. – Пять раз объяснял уже, как к этому тоннелю вырывать, никак не допрет!

Мужики начали поддевать друга, каждый невольно старался ободрить Витька – да и чего в ней только не бывает, в жизни-то!

Зарядил мелкий дождичек, посыпая водяной крупой их гладкие кожаные плечи и непокрытые головы...

А на противоположной стороне площади красными карнавальным огнем призывно светилась буква «М», приглашая всех желающих испытать свою судьбу.

Надежда Клепалова

Сочинитель

Уставший Венедикт Тимофеевич встречал закат очередного весеннего дня в офисе. Он аккуратно откатился на стуле от монитора и, не отрывая взгляда от таблицы с цифрами, пошарил под столом рукой. Наткнувшись на ботинки, поставил их рядом с обутыми в туфли ногами, и все так же, продолжая проверять глазами статистические данные, начал переобуваться. Коллеги по отделу уже давно убежали, а дотошный Венедикт Тимофеевич все пытал своим взглядом подготовленный отчет. Ошибки в его деле были недопустимы, поэтому лучше немного задержаться на работе, чем потом опозориться перед начальством.

«Ну, пора и честь знать», – подумал Венедикт Тимофеевич и обнаружил стрелку настенных часов на цифре семь. Но тут зазвонил телефон.

– Добрый вечер! Слушаю вас! – вежливо и неспешно проговорил наполовину переобутый Венедикт Тимофеевич.

Звонила Ирочка, неземной красоты девица и по совместительству маркетолог предприятия. Голос ее был измученным и хрипел столь странно, что Венедикт Тимофеевич не сразу признал свою коллегу. Ситуация, которую описывала простудившаяся Ирочка, была критической. Оказалось, головной офис предприятия, который находился в Москве, срочно запросил пресс-релиз по акции, прошедшей в Женский день. Совершенно забыв, что на местах, то есть в Барнауле, времени на четыре часа больше. Да и сама Ирочка, как назло, загрипповала.

– Венедикт Тимофеевич, только вы можете меня спасти! – сипела в трубку красавица-маркетолог. – Наверняка в офисе, кроме вас, никого не осталось. Ну напишите хоть какой-нибудь текстик про это Восьмое марта, а они там сами подправят!

– Но, Ирина Андреевна, я же по части цифр... – попытался возразить опытный статистик.

– Москва очень просила, понимаете? Если не сделаем, влетит по полной. Вы напишите и отправьте им по почте!

Подводить Ирочку и уж тем более предприятие Венедикту Тимофеевичу не хотелось – и, несколько раз проведя ладонью по закругленной седой бородке (этот жест означал крайнюю степень волнения), он согласился. Быстро высвободил ноги из ботинок, сунул их в узконосые черные туфли и достал чистый лист.

– Ну-сссс, – произнес он, взявши серебристую ручку с логотипом компании. – Приступим-с.

Набирать текст на компьютере, под неритмичный треск клавиатуры? Ну уж нет, на такие звуки муза не приходит! Чтобы написать действительно красивый текст, повествующий о чести родной компании, необходимо перо. И хоть авторучка на роль пера подходила не совсем, но, по мнению Венедикта Тимофеевича, как инструмент исполнения важной творческой задачи была лучше бездушных клавиш.

Отступив немного от края белого листа, Венедикт Тимофеевич задумался. Так... И о чем же писать? Начать с заголовка, или, может, логичнее придумать его к уже сочиненному тексту? А если начать с текста, то что должно быть первым: дата мероприятия или название компании? Как будет солиднее и, что называется, правильнее? Поразмыслив, он все-таки начал аккуратно выводить на бумаге имя родного предприятия. Три заглавные буквы ООО, кавычки открываются, далее слово, еще раз кавычки, шесть букв, дефис, еще семь букв, кавычки закрываются. Ура! Начало положено. Что там дальше?

Ах да, дальше, по идее, должен идти глагол. Но постойте, какой глагол? Документ-то официальный! А значит, глаголом жечь сердца людей не надо. Пресс-релиз пусть даже празд-

ничного мероприятия – пища для ума, а не для сердца. И Венедикт Тимофеевич начал писать, пытаясь не потерять ускользающий слог: «Приняла участие в проведении выездного мероприятия в рамках поздравления женской части населения...» Bravo! Переходим к следующей строчке...

Венедикт Тимофеевич так увлекся придумыванием правильных синтаксических конструкций, что совсем не заметил, как стемнело за окном. Город погрузился в сумеречный туман, и лишь кое-где поблескивали теплые огоньки жизни. Домой хотелось нестерпимо. Заварить любимый черный чай в своей большой литровой кружке и усесться с газетой в могучее кресло, под вечерний выпуск федеральных новостей просматривая региональные... Гнать! Гнать метлой эти поганые мысли, крадущие силы у вдохновения! «Текст-то хоть и написан, но требует редакторских по-о-оправок», – важно провозгласил Венедикт Тимофеевич, обращаясь к своему отражению в зеркале на противоположной стене. Зеркало висело прямо под неумолимо тикающими часами.

Ну что поделаться, задержался немного. Зато во всем будет порядок. Порядок Венедикт Тимофеевич любил в своей работе больше всего. И пытался приучить к нему всяких не уважающих компанию личностей.

Вот, например, из недавнего. Готовились к приезду важных персон из краевой администрации. Все как положено, грамоты разноцветные достали, благодарности клиентов развесили. Уборщица Елена Васильевна полдня по коридору с мотками туалетной бумаги бегала, все беспокоилась, чтоб хватило. Даже Мишка-программист, бестолковщина эдакая с серьгами в ушах, в рубашке на работу явился и украшения из ушей изъясил. В общем, в полной готовности все предприятие, при параде. Чтоб дорогие гости не потерялись в просторах офиса, выставили указатель: «Конференц-зал». А кто-то больно умный взял и этот указатель к туалету пододвинул! Ух, как Венедикт Тимофеевич разозлился! Быстренько давай все возвращать на положенные места, а тут как раз генеральный идет. Чуть не пришлось за чужие проказы отдуваться! Пытался шутника разыскать, да все бесполезно – кто ж признается?

В общем, Венедикт Тимофеевич ценил во всем точность. Отчасти этого требовала его профессия, отчасти – характер. «Все должно быть четко, по полочкам, по правилам, согласно стандарту», – объяснял он новым молодым сотрудникам.

Вот и пресс-релиз в итоге получился аккуратненький, красивенький, статистически усредненный. Венедикт Тимофеевич подправил кое-где пару-тройку слов, поставил на всякий случай пять запятых – ну, надо будет, в Москве уберут! Лучше борщ наваристый, чем жижа водянистая. И переписал окончательный вариант на фирменный бланк. Ну вот, теперь сканируем, отправляем и можем идти домой.

Следующим утром Венедикт Тимофеевич по пути на работу заскочил в крайстат. Но уже к обеду преодолел блестящую вертушку проходной и зашагал по сверкающей плитке длинного коридора, мимо распахнутых дверей в рабочие комнаты. То и дело из комнат возникали коллеги. Кто-то ронял «Здрасьте», кто-то бодро выкрикивал «День добрый!», а кто-то горячо пожимал руку... Но было в этих приветствиях что-то общее, таинственное, незаметно переходящее от одного человека к другому. И уже войдя в свой отдел, Венедикт Тимофеевич понял, что.

– Бесподобно, бесподобно! – заверещала Вера Ильинична, коллега и старший товарищ Венедикта Тимофеевича. – Боже, какой слог, какой текст!

– Благодарю, польщен, – отчеканил Венедикт Тимофеевич, поправляя на переносице слегка сползающие, в золоченой оправе, очки.

– А смыыыысл! – распевала Вера Ильинична и закатывала глаза, как будто вновь пыталась испытать тот самый оргазм, который посетил ее при чтении текста. – Москва оценит, Москва в восторге будет!

Оказалось, пока Венедикт Тимофеевич забежал в крайстат, весь офис успел оценить результаты его вчерашних творческих трудов, которые, кстати, скромно остались лежать рядом со сканером. На протяжении всего дня в адрес опытного статистика поступали признания в любви к его легкому и выдержанному в корпоративном духе тексту.

Москва текст и вправду оценила, даже запихнула в какой-то глянцевоый журнал, посвященный отрасли. Маркетолог Ирочка, выйдя с больничного, этот журнал по почте получила, прочитала и, довольная, показывала каждому, кто заглядывал в ее офис. Правда, обнаружилась в тексте Венедикта Тимофеевича небольшая ошибка: мягкий знак внезапно встроился в слово «провОдится». Москва не заметила, редактор журнала просмотрел...

«Да, в общем-то, какая разница? – подумала грамотная Ирочка, увидев ошибку. – Мероприятие проводится или проводиться? Что же теперь, Венедикта Тимофеевича огорчать? Текст-то вон как хорош!»

С тех самых пор Венедикт Тимофеевич стал по совместительству главным редактором на предприятии. Денег от этого в его кармане не прибавилось, зато уважение коллектива выросло. Все тексты непременно несли к нему: будь это инструкция к новой запчасти или же анонс предстоящего совещания. Именно Венедикт Тимофеевич мог привести совершенно простой и голый текстик к надлежащему знаменателю, обогатить его корпоративной лексикой, обыграть серьезными оборотами, превратить два существительных в цепочку из десяти, туго прошитых родительным падежом... И обязательно исправить строчную букву в должности на заглавную – «а шоб уважали».

Как-то раз Венедикта Тимофеевича даже попросили сочинить текст для размещения в туалетах. Потому что кого-то из главных замучил неприятный запах и разбросанные бумажки. Дело серьезное и важное, пришлось отложить сведение обновленных статистических данных и ждать музу. Текст получился впечатляюще эмоциональным. Теперь все обитатели офиса знали, что в туалете «имели место быть вопиющие случаи неуважения к коллегам». И что в связи с этим «руководство компании обращает внимание на то, что нужно сохранять туалетные комнаты в чистоте». И далее: «Перед тем, как выйти из туалета, проверьте, будет ли в него приятно войти!»

Кто-то из не уважающих компанию личностей над этим объявлением издевался:

– Ну вот вышел я, проверил. Нет, не нравится! Потом опять зашел, опять проверил – неприятно входить! Так и день рабочий закончится, а я все в уборной торчу!

Но мнение шутов гороховых не волновало серьезных статистиков, на пятидесятом году жизни обнаруживших в себе писательский талант.

Константин Кожухин

Опухоль

Сентябрь 2015

Новенький какой-то не такой. Молодежь – она, конечно, вся не такая, но этот – вообще. Даже с виду – вырядился: костюм, галстук – точно начальник, а не простой инженер. Куда лезешь? Взяли тебя, дали стол, компьютер – посиди лет пять, умных людей послушай, мы всяко больше видали. Там, глядишь, и до галстука дорастешь. Начальник уйдет на пенсию, вот и место, ты так-то, вроде, толковый...

Опять опоздала. Пробки. Вышла, как всегда, транспорт едет, а не влезть. Оно понятно – никакого уважения. Но могли бы и больше пустить, с утра-то. Куда администрация смотрит? Позвоню-ка я мэру, сообщу. А что? Выбрали – пусть разбирается. Меня, глядишь, в конце месяца спросят – что ты, Павловна, так часто опаздываешь? Пиши объяснительную. А я не виновата, выхожу, как всегда. Пусть администрация объяснительные пишет, почему автобусов не хватает! Точно, позвоню! Да и чай я уже попила, до обеда все одно – время свободно.

Совсем обнаглели, никакой управы! Говорю, звонит Марина Павловна, жительница нашего города, соедините с мэром, а мне – он на совещании, расскажите, какой у вас вопрос. Пять раз звонила – всё на совещании. Понятно, занят – начальник. Только мне обедать скоро. Что поделаешь, рассказала, но фамилию-имя-отчество-должность той, с кем говорила, записала, не дура. В течение трех дней перезвонят, отчитаются, какие меры предприняли. Дала городской, все равно на меня выведен. Понятно, мне нужнее – дочке позвонить, сыну... Не перезвонят – им же хуже! День не пожалею, до мэра дозвонюсь. А то и дойду – через дорогу, за воротами. Должны же они свою работу делать, жителям помогать...

Одиннадцать. Час сорок пять до обеда. Надо посмотреть, что сегодня в меню в столовой. Совсем обнаглели – салаты вчерашние продают! Я что, должна помнить, сколько они вчера стоили? Да и вообще: продаешь вчерашнее – давай скидку! Ночь в холодильнике, а дерут, как за свежие. Да и хлеб – подумать только – два рубля кусок, а в заводской столовке – рубль пятьдесят! Что мне теперь, туда топать? Не девочка, да и время на обед всего сорок пять минут, когда я поспать успею? Совсем о людях не думают. То ли дело при советской власти! Вот позвоню директору комбината питания... Или нет, сразу лучше жалобу начальству, пусть знают!..

Новенький – ты глян! В двенадцать обедать ушел! Говорю – у нас с двенадцати сорока пяти. «Ничего, – смеется, – Марина Павловна, есть работа – работаю, нет – обедаю». Это что ж за подход такой? Никакого порядку. Мне что – теперь с утра обедать? Так после завтрака не хочется... Ничего – после обеда объясню, как у нас принято. Кто, кроме меня? Сорок лет на предприятии, ветеран труда, федеральные награды имею. Поймет, что к чему, пообтешется...

После обеда обзванивала аптеки. Диабет у меня, надо за сахаром следить. Полоски-то: в одной аптеке – восемьсот рублей, в другой – почти тысяча. Совсем никто за ними не смотрит, за аптеками. То ли дело при советской власти – везде одна цена была. Хорошо, хоть позвонить можно, узнать. Сегодня вот – пятнадцать аптек обзвонила. В «Твоем Здравье» дешевле всего – восемьсот тридцать два рубля сорок копеек. Я в прошлый раз в «Ригле» за восемьсот сорок семь пятьдесят брала. Пятнадцать рублей экономии! Только идти к ним далеко, неудобно. Звоню в «Риглу», продавайте, говорю, за восемьсот тридцать два, как в «Твоем Здравье», мне у вас удобнее брать. Не можем, говорят. Ну ничего. Записали жалобу. На следующую

щей неделе позвоню управляющему аптекой. Пусть принимают меры. Что мне, за полосками каждый раз незнамо куда ехать?

Новенького-то, кстати, Андреем зовут. Как, спрашиваю, по отчеству? Опять смеется. Молод, говорит, Марина Павловна, чтоб меня по отчеству звать. Понятно, что молод, только у нас так не принято. Человек – не собака, отчество имеет. Как же тебя без отчества уважать-то будут? Ради интереса позвонила Тимофеевне в кадры. Иннокентьевич он. Андрей Иннокентьевич. Необычное отчество-то...

Семнадцать пятнадцать. Дорогие коллеги, говорю громко, пятнадцать минут до конца рабочего дня. Пора собираться. Новенький ноль внимания. Вперился в экран, долбит по клавишам. Собирайся, говорю. Пока компьютер выключишь, оденешься, до проходной дойдешь – конец рабочего дня. Не могу, говорит, надо доделать. Чудак! Завтра доделаешь, никто ж тебе за переработку не заплатит. У нас так не принято.

Ну, да делай, что хочешь. Зеленый еще!

Собираюсь. Хорошо сегодня поработала. Завтра тяжелый день – конец месяца. Нужно табель проверить и журнал опозданий. Правда, кроме меня никто особо не опаздывает. Но у меня оправдание – автобусы плохо ходят. Интересно, что скажут в администрации? Долго я из-за них еще страдать буду?..

Ноябрь 2015

Купила полоски, сахар меряю каждый день. Скачет. Вроде, с чего бы? Я и так конфеты не ем почти. Не больше трех в день. Ну, если только не день рождения у кого-нибудь... Чай без сахара уже пью. Все одно – скачет. Нужно следить...

Новенький – ну наглец! Говорю – принтер к твоему компьютеру подключен, будешь отвечать. А он мне – за кем по инструкции записано? Понятно, за мной, да где ж это видано, чтоб я отвечала, раз мне не надо? Печатаю два листочка в месяц, когда работа есть, или, там, документ скопировать в поликлинику. Ты ж шарашить на нем целый день, а если что случится – я отвечай? Говорю: у нас так принято, кто печатает, тот и отвечает. Улыбается. Ну, никакого уважения к опыту! Расскажу за обедом Тимофеевне. Ой, не приживется он здесь...

После обеда звоню с городского дочке, потом сыну. Каждый день им звоню. Нужно ж знать, как у них дела. Что мне, после работы звонить, что ли? Вечером с мобильного – дорого, да и заняться есть чем. Внук придет, для него чипсов припрятано полпачки. Сразу все не даю, он хоть три пачки сожрет, не напасешься. Лучше так, разделить, экономно, да и заходить почаще будет...

Декабрь 2015

Новенький подходит, дайте, говорит, Марина Павловна, номер исходящий на письмо. Понял – без Павловны никуда! Ни одно письмо официальное без меня не отправишь, номера-то я выдаю. Кому пишешь, спрашиваю, от кого? Главному конструктору, от себя. Со мной чуть кондратий не приключился. Где ж это видано, говорю, чтоб самому главному конструктору от себя писать? Это ж от начальника подразделения должно идти, с визой начальника отдела. Ну и что, что конструктор ждет? Если каждый станет от себя писать, так и начальство не нужно будет! Челюсть отвесил, глаза выпучил. Не понимает. Номер не дала – не имею права. Ушел.

После обеда разговорились. Новенький ничего так, мотает на ус. Может, и будет толк. Главное, внушаю ему, слушай, что говорит начальство. Начальству виднее. Записано в инструкции – делай. Не записано – смотри сам. Сделаешь – может, премию дадут. Поперек не ходи. Я вот сорок лет уже тут, грамоты имею, льготы. В рост пошла бы, да образования нет.

Что он все улыбается? Дурак, что ли? Ему умные говорят, как лучше. Ну, да бог с ним. Молодежь воспитывать – у меня в инструкции не записано. На то начальство есть...

Опять сахар. Пора мерить. Потом чайку с конфеткой, последней на сегодня, подремать и домой...

Январь 2016

Что ж творится-то? Звонок по городскому. Трубку беру – матушки родные, секретарь первого вице-президента! Позовите, говорит, к телефону Андрея, первый вице-президент говорить будет. Это ж когда такое было? Сам первый – простому инженеру звонит! Новенький трубку взял, вытянулся весь, слушает, деловой такой. Вот времена чудные настали! Чтоб такой начальник... Раньше-то вице-президенты нормальные были, звонили начальству, все и решали. Не иначе, новенький родственник чей-то. Надо у Тимофеевны спросить, тридцать лет в отделе кадров, все знает.

Тимофеевна говорит, не родственник он ничей. Но я-то знаю. Не может быть, чтоб не родственник. Не вывела что-то Тимофеевна. Старееет...

Что-то с диабетом меня совсем прихватило. Конфет еще меньше есть должна. А как меньше? Они ж вкусные, конфетки-то, и бесплатно на работе, их Сергеевна приносит. Я и так: одну, ну две-три... ну, и торт по праздникам. Палец на ноге опух, чернеть начал. Ходить больно. Дочь, хорошо, медучилище закончила, посмотрела – опухоль, говорит. Это когда вредные клетки появляются, инородные, все больше их, больше. До медсанчасти пока не пойду, боязно, знаю этих врачей, им там лишь бы... Авось так пройдет...

Апрель 2016

Во времена! Новенькому – главного специалиста дали! Полгода всего, как появился! Паша вот у нас, пятнадцать лет уже на предприятии-то, отец пристроил. Растет, конечно, Паша-то: пришел – второй категории, сейчас уже ведущий. Жизнь понимает. Давеча, на праздник, сидели в кабинете у начальства, стол накрыли. Паша-то подвыпил, говорит, правильно мы все здесь собрались, у нас социальное предприятие, руководство нас должно работой обеспечить, а если работы нет, сидим и ждем. И что его не двигают? Все делает: договор какой подписать, сходит, отнесет, подпишет. Исполнительный. Да и отец у него толковый был, все его знали, сколько пользы предприятию принес!..

Всё новые веяния. Как директора сменили, новый всех повычистил. Сколько лет работали, заслуженные люди, по семьдесят уже, и – всех на пенсию. Куда?! Они ж больше тебя знают, опытные! Ан нет – везде своих расставил. Это ж надо? Финдиректору – сорок пять! Конструкторам главным – по пятьдесят, а то и по сорок! Директор завода – сорок пять! Что они в своем возрасте видали? И все со стороны! У нас дети, внуки работают еще тех людей, которые все это начинали. Двигай молодежь, они опыта уже поднабрались, некоторые по двадцать лет сидят. Так ведь своих везде. Правильно дочка говорит – опухоль это! Эх, угробят предприятие, работать некому станет...

Премиию, правда, за квартал хорошую дали, давно таких не было. Сергеевна говорит, контрактов новых много на заключали. Только кто их выполнять будет, эти контракты? Всех сокращают вокруг. Особенно пенсионеров, кто работает...

Тимофеевна говорит, нас тоже сокращать всех будут. Я посмеялась. Кто согласиться вкалывать-то за мою зарплату?

Май 2016

Что за напасть? Тимофеевну сократили! Ей еще и шестидесяти пяти не было. Взяли какую-то молодуху. Чья, спрашиваю, родственница? Ничья. С улицы взяли. Зачем брали?

Что ж она умеет, ей и сорока нет? Все новый директор. Новая метла... Точно говорю, доведут предприятие! Обедать ходим с Сергеевной...

Палец разболелся, мочи нет. Вчера до хирурга дошла, говорит, Марина Павловна, резать, без вариантов. Опухоль иначе не остановить. Ложусь в больницу, что делать. Сколько пролежу, не знаю. Как тут они, без меня-то, на работе?..

Сентябрь 2016

Три месяца пролежала, как палец отрезали. Вот же зараза, эта опухоль! Ну ничего, прошла восстановление, опять ходить могу. Первый день сегодня. Даже не опоздала – автобусы ходят, вот что значит, мэру позвонить! На работе – батюшки! – столько всего, без меня-то! Пошли обедать с Сергеевной, что, говорю, нового?

Петра Семеновича, начальника отдела нашего, на пенсию отправили! В шестьдесят пять! Думал, до семидесяти посидит, ан нет. Андрея на его место двинули! Сразу с главного специалиста. Год как пришел! Тимофеевна еще говорила, не родственник. Племянник финдиректора, не меньше! Пашу не двигают, Валентина, зама начальника отдела нынешнего, тоже обскакали, а по порядку Валентин должен был начальником стать. И после этого мне будут говорить – не родственник? Я что – девочка, что ли?

Палец отрезали, вроде все зажило, а иногда все равно – ноет...

Ноябрь 2016

Хорошая новость! Зама в нашу службу нового назначили. Племянник зама директора по производству! Правда, он до этого чаем торговал, да какая разница? Такой человек – и вопрос решит, и службе дополнительный почет и уважение, кто ж с ним спорить будет-то?

А Андрею все – потолок! И так – до начальника отдела прыгнул, хватит ему. Петр Семенович, бывший-то – к должности сорок лет шел. Да Андрей, гляжу, и сам понимает. Вон – хмурый ходит...

Новый зам. начальника службы – хорош! Видала в коридоре. Кабинет выбил, секретаршу. Говорят, сам нашел. Любовница, наверное. Ну, да мое какое дело, начальник большой, имеет право. Племянник...

Январь 2017

Эх, не потяну. Вроде зажило, а все равно ходить тяжело. Пора мне на пенсию. И так пять лет пересидела. Вот и новенькую на мое место подыскали. Риточка – внучка главного конструктора. Вот это я понимаю – смена. Обедать с нами ходит. Я ее наставляю – слушает! Замуж недавно вышла. Посижу, говорит, и в декрет. Правильно. А там и второго. На предприятии ей самое оно – и садики, и в пансионат от предприятия со скидками съездить. Дедушка подсуетится – глядишь, квартиру выделят. Заботятся у нас о людях пока. Дочке сколько говорила – иди к нам. Ни в какую!..

Хорошо, опять своим дорогу дали. Я уж думала, с этой молодежью совсем предприятию конец пришел. Понабрали – как опухоль инородная. А новое руководство – оказывается, тоже люди! Как все. Всем своих пристроить надо. И правильно – кто работать будет, ежели не свои. Победили опухоль-то. Теперь можно и на пенсию. Дело в надежных руках...

Январь 2027

Тимофеевна звонила. Поздравляю, говорит, десять лет на пенсии. Как дела, спрашивала. А то не знаешь? Конечно, не каждый день обедаем вместе, как на предприятии, но все равно часто, а что делать-то еще, в нашем возрасте? Все ты знаешь, а что не знаешь, не нужно знать, значит.

Ой, непросто жить-то, Тимофеевна. Цены бешеные! Раньше, помнишь, на предприятии, кусок хлеба два рубля, а сейчас – буханка в магазине уже за сотню. Это ж на сколько кусков мне ее разрезать, чтоб по два рубля? Суп сварить – косточки говяжьи, там, картошки, морковки, лучку, капусты, чтобы щи, или макароны добавить. Не меньше тысячи выходит, если с хлебом-то считать! Мне с моей пенсией куда теперь? Мало что награды федеральные имею, это доплаты, да половину за квартиру только, а все равно. Чайку с печеньками попить только и хватает, а на конфеты нет уже. Да и нельзя мне конфеты больше. Диабет совсем разлютовал.

Раньше хоть могла брать, где дешевле, позвонишь по магазинам, съездишь (проезд-то бесплатный, даже в Москву), теперь сложнее. С плохим здоровьем много не наездишь. Внукам говорю, съездите, купите продуктов, бабушке-то, два раза в неделю, найдете время. А у них – то учеба, то гулянки разные, вечно забывают все. Бери, говорят, у тебя все магазины под боком. Так дороже ведь тут! Там десять рублей, там еще двадцать, вот и набегают сто – уже буханка хлеба. Мне лишние сто рублей – не лишние.

Ничего, перебиваюсь. Смотрю, где акции какие. Слава богу, магазины про акции на телефон присылать стали. С интернетом ихним я не очень. Да и то – не отследишь все. Я сначала жалобу в магазин написала. Сделайте, говорю, всегда хлеб по восемьдесят, что ж вы через неделю-то акции проводите, я приду за хлебом, а у вас крупа дорогая, а в следующий раз наоборот – крупа по акции, а хлеб дорогой, мне в другой магазин приходится. Они не то, чтобы сделать – вообще ничего не ответили! Я до директора самого главного дозвонилась, что за продажи во всем городе. Жалобу, говорю, приняли, не рассмотрели, не ответили, хлеб дорогой. Пойду, говорю, на телевидение, совсем о людях не думаете. Он послушал-послушал, ждите, говорит, ответ. Ответ пришел – жалобу получили, рассмотрим, меры примем, с виновными разберемся. Звонила еще, как, говорю, что? Когда хлеб дешевле будет, кого уволили? С главным директором не соединили больше. На совещаниях. Хлеб дешевле сделать нет возможности. И не уволили никого. Работать, говорят, и так некому. Да я в магазине смотрела, и впрямь – все на месте, рожи такие же наглые...

Февраль 2027

Пошла на телевидение местное, у меня племянница там. Отговаривала меня, правда, да она вечно такая, стыдится чего-то. Сама добралась, вот, говорю, снимайте, что магазины делают, о пенсионерах не заботятся, хлеб то дороже, то дешевле, пора рассказать о них всю правду. На телевидении послушали-послушали, да снимать ничего и не стали. Объясняли что-то про свободный рынок, что магазины коммерческие, имеют право сами цены устанавливать. То ли я не понимаю? Испугались на телевидении! Понятное дело, магазины – какая машина, у них и с администрацией, поди, завязано все, куда телевидению местному против них. Все как везде. Ну да ничего, здоровье поправится, в Останкинскую телебашню поеду, на Первый канал, там уж точно не побоятся!

Апрель 2027

Со Светкой, дочерью, три года уже не общаюсь. Это ж надо было такое вытворить! Пришел Кирюшенька, меньший внук, пять лет ему тогда было, знает, у меня конфеты припасены. И как выдаст: бабушка, а когда ты умрешь?! Я тогда чуть со стула, где сидела, не сверзилась. Что ж ты, говорю, внучек, у бабушки такое спрашиваешь. А он мне: мама с дядь Гришей раз-

говаривала, это хахаль ее тогдашний, говорит, вот умрет бабушка, мы ее квартиру продадим, себе больше купим. А мне, Кирюшенька говорит, комнатка новая будет, и место, куда игрушки складывать.

Я тогда Светке все высказала. Как так можно-то, ладно, Кирюшеньке пять лет, ничего не понимает, а у тебя совести ни капли, родную мать! А она мне, ты бы давно продала квартиру-то, к нам переехала, вместе бы жили, не так тесно. Ты одна, мол, в двухкомнатной, я в такой же с тремя детьми, помогла бы внукам-то. Да разве ж я виновата, что ты трех детей от разных мужиков прижила, а квартиру не нажила?! Мы с моим Сережей, земля пухом, честным трудом зарабатывали двухкомнатную, имею права, никому ничего не должна. Это дети должны родителям на старости помогать. Плюнула бы в лицо, не будь дочь! Слава богу, Сережа не видел, и то, небось, в гробу переворачивается. И в кого Светка такая у меня? Ума не приложу...

Тимофеевна, правда, про это ничего не знает. Не ее это, Тимофеевны, дело. Спрашивала, конечно, что это дочка заходить перестала. Чует, точно собака прям. Да я ей, ты мол, пойди, позаходи, попробуй, когда дома семеро по лавкам. Успокоилась, вроде.

Осерчала я тогда страшно. Семёну позвонила, сыну-то. Говорю, на тебя завешание перепису. Он так серьезно: что случилось, мам? Не выдержала, рассказала. Головой только покачал. Что бы ни было, говорит, у тебя два ребенка – я и Светка. Все должно быть поровну. Дело твое, говорит, пиши, но я все равно все поделю. Отказался, в общем. Эх, не воспитала нормально! Рохля он у меня, Семён. Хоть и начальник уже, и жена у него есть, и внук мой, Серёженька. Весь в отца пошел, не в меня точно. Тот такой же рохля был. Говорю, бывало, бери, тебе ж положено. А он все по справедливости хотел...

Август 2027

Здоровье ни к черту. Я уж старалась, да все одно. Усталость постоянная, одышка. Ходить тяжело, не могу. Вроде слежу за сахаром, чай несладкий, печеньки соленые. Похудела даже. Думала, лучше будет, без лишнего веса-то, а тут меня еще прихватило. Тошнить начало, пару раз совсем выворотило. Семён примчался, к врачу отвез. Тот руками разводит, что ж вы, говорит, Марина Павловна, совсем себя запустили. Диагноз какой-то поставили. Я не запомнила, Семён все с ними больше разговаривал. Положили, в общем, лежать.

Тут еще вот какой случай произошел. Лежу, значит, в палате. Меня сначала в общую положили, на шесть мест, да я к главному врачу пошла. Это где ж такое видано, заслуженный пенсионер, ветеран труда, и наравне со всеми? Спорили, так я потом жалобу в администрацию написала. Поняли сразу, нашли все. Перевели кого-то, а меня – в нормальную, двухместную, значит, для ветеранов. Так вот, лежу, и заходит к нам батюшка. Если есть у кого потребность, говорит, при больнице открыта часовенка, а еще комната для моления, чтобы можно было обратиться к Богу.

Я, конечно, не верующая особо, но для здоровья лишним-то не будет. Дошла, смотрю, комнатка, алтарь перед иконой, столик в углу, за ним батюшка, а на столике свечи разные в стаканах стоят – потолще и потоньше. К батюшке обратилась, хочу, чтоб здоровье получше стало, вдруг Господь поможет чем, а то на врачей надежды особой нету уже. Как, говорю, лучше сделать, чтобы услышали меня, помогли чтобы?

Тогда мне батюшка все и рассказал. Свечку на алтарь поставить, да помолиться, вот Бог и услышит искреннюю молитву-то. Записочку за здоровье, чтобы имя твое помянули в прощении. Какую свечку лучше, спрашиваю. Тонкие-то по сто, а толстые по двести. Толстым, наверное, приоритет есть? Батюшка улыбается. Нет, говорит, приоритета. Главное, молиться искренне. Ну, я тут все и поняла. Беру тонкую. Скидки, спрашиваю, есть ветеранам труда? Он так и обомлел. Нет, жмет плечами, перед Богом все равны. Как же равны? И бугай молодой,

и я, столько лет честным трудом спины не разгибала? Да не может такого быть! Он на меня смотрит болванчиком, будто человека первый раз видит. Но я все же своего добила. Протягивает мне еще свечку. Вот, возьми, говорит, дочь моя, бесплатно. Какая я ему дочь?! Хоть и в бороде, а я ж все раза в два постарше буду. Ну, да понятно, так принято. Свечку, однако, взяла. Бесплатно же.

Помолилась, свечки поставила. Записочку тоже заказала. Пятьдесят рублей, да мне свечку за сто бесплатно дали, получается, я пятьдесят рублей сэкономила. Хорошо. Лишний раз за здравие замолвят. Ходить, даже, вроде полегче стало. Рассказала Семёну. Он в церковь сходил, заказал ежедневный молебен на полгода. Дорого, правда. Напиши, говорю, лучше церковному батюшке жалобу, чтобы ветеранов труда бесплатно в молитвах поминали. Да он разве напишет... Серёжа, как есть мой Серёжа. Эх, жалко, в сыне моя кровь силу не взяла!..

Январь 2028

Полгода как из больницы, а лучше не становится. Зря Семён молебен заказывал. Тимофеевна говорит, если заказываешь не в церкви, а в часовенке, то молишься простой батюшкой, а не главный священник. Наверное, поэтому и не работает. Надо будет сказать, чтобы сделал все по-правильному.

Сердце шалить начало. Давление зашкаливает. Ходили с сыном к врачу, говорят, на фоне сахара. Тошнит все время, недели не проходит, чтоб не вывернуло. Ноги подкашиваются, голова, бывает, как пойдет ходуном, потолок и стены в комнате так и кружатся, кружатся... Сахар давно уже не в норме, и не привести его в норму-то. Колю инсулин. Вроде как помогает. Только от сердца инсулина нет. Сколько протяну, не знаю...

Апрель 2028

С дочкой помирилась. То есть, не помирилась, не разговариваю по-прежнему. Но приходит, внуков приводит. Видимся. Я в итоге Семёну так все и отписала. Не могу простить. Мое слово крепкое. А дальше сами, что хотят, пусть решают. Слупит Светка с брата долю свою, вот в чем не сомневаюсь. Да оно уж без меня...

Июнь 2028

Господи Боже! Всю жизнь тебя не вспоминала, и вот пришла. Чувствую, скоро время мое. Прими без боли, как Серёжу моего двадцать лет тому. Хуже мне, хуже. Врачи отворачиваются, Семён – и тот молчит, хмурый ходит. Понимаю я. Тебе сколько свечек поставила, сколько молитв заказала... Видимо, люди не те, батюшки не в почете у тебя, не слышишь ты их. Не смогли отмолить. Работают плохо. Да тебе виднее, ты им судья. Прими душу, знаешь ведь все. Столько лет работала, честь по чести, никого не обманывала, ветеран труда. Позаботься о Семёне и Свете.

Не обдели милостью своей...

Евгения Корелова

Цветок лотоса

Тонкой изящной девочкой с прозрачной кожей была Джиао. Высокие скулы ее, обещающие с возрастом закаменеть, подпирали щелевидные глаза с ровными, словно подрезанными веками. Джиао была подвижной и непоседливой, что вызывало у матери беспокойство за ее будущее, и она часто восклицала:

– Джиао! Не бегай так быстро! Сиди спокойно! Почему ты опять танцуешь?

Пятилетняя Джиао не боялась матери, но старалась ее не волновать и сдерживалась, а волю себе давала, лишь играя в саду их большого дома. Убедившись, что ее никто не видит, кроме старой бабушки, уже несколько лет не покидающей кресла для калек, Джиао пыталась повторить движения, которые она увидела на картинках в старой маминой книге. Там была нарисована танцующая молодая девушка в красивом, длинном, разлетающемся воздушном платье. Рукава платья были так восхитительно широки и длинны, они спускались шелковыми волнами, сливаясь с пестрым струящимся подолом. Ее белые руки, похожие на тоненькие веточки сливы мэйхуа, частью утопали в роскошных рукавах, частью были обнажены и стремились к небу, венчаясь причудливым изгибом пальцев. Но самым восхитительным в танцовщице были ее крохотные ножки, обернутые нежной тканью. Сложно было представить себе, как девушка удерживается на таких ненадежных, хрупких стебельках. Джиао завистливо вздыхала над картинкой. Она очень испугалась, когда мать однажды застала ее за этим занятием. Но та не заругалась, а сказала только:

– Скоро и у тебя будут такие ноги, Джиао.

С тех пор Джиао упражнялась в саду, разучивая танец, домысленный ею из волшебства рисунков. Джиао возносила руки к небу, стараясь чуть повернуть стан и наклонить его, как на картинке. Она поднималась на цыпочки и скрещивала ноги, воображая, что скоро так же сможет танцевать и будет вызывать зависть у других, не столь талантливых и красивых девочек.

Юби, старшая сестра, и Дэйю, младшая, не видели ни разу, как танцует Джиао. Юби большую часть времени сидела в своей комнате, она не очень любила Джиао. Юби исполнилось шестнадцать, и ножки ее были крошечными, как у младенца, но не настолько, чтобы не беспокоится о красоте лица, не очень привлекательного. Если бы ноги Юби были безупречны, никто никогда не упрекнул бы ее за недостаточно тонкие черты. Джиао слышала, как мать говорила бабушке:

– Я сделала все, что могла, для Юби. Найдется ли человек, который ее выберет? Ноги грубые, Юби с ними намучилась. У меня больше надежды на Джиао. Ее ноги изящны, уже готовы для бинтования.

Вероятно, Юби тоже слышала мамины слова, поэтому невзлюбила Джиао и почти не замечала сестру. Младшая, Дэйю, которая только начала говорить, напротив, была общительной девочкой и тянулась к Джиао, часто украдкой обнимала и улыбалась ей.

Брат Донгэй был старше всех, в восемнадцать лет он полностью поглощен был делами отца и не разговаривал почти со своими сестрами, понимая, что пользы в семью они никогда не принесут и скоро покинут дом.

На пятую зиму Джиао получила подарок от родителей – туфли для ее прекрасных будущих ножек. Во всем мире не было красивее обуви для Джиао. Расшитые разноцветными дорогими шелковыми нитями, крошечные, не длиннее ладошки, с острыми носиками и небольшими изящными каблучками. Чудесные были туфли, и Джиао знала, что скоро начнет

священную процедуру подготовки ног для счастливой жизни в браке с мужчиной. Мать часто с гордостью говорила свекрови, прикованной к креслу:

– Мы можем себе позволить для девочек хороших мужей.

Свекровь мелко кивала, но сложно было сказать – слышала ли она невестку. Много лет она надменно приказывала жене сына, помыкала ею по своему усмотрению и прихоти. Но однажды настал роковой час: пожилая женщина вдруг перестала вдыхать воздух, сделалась лиловой, и глаза-щелки, всегда недобро следившие за невесткой, вдруг необычайно округлились и вытаращились на одну точку, словно увидели что-то важное. В тот же миг свекровь упала замертво, а когда очнулась, не могла больше говорить и стоять на ногах.

Мать, беременная Джиао, быстро сменила свекровь у власти, взяла руководство домом в свои руки. Став новой хозяйкой, она усадила свекровь в кресло и наняла женщину ухаживать за парализованным старческим телом, два раза в неделю очищать его от испражнений. Ни разу мать не припомнила старухе прежние обиды, много теперь разговаривала с нею, потому что лучшего слушателя сложно было себе представить.

Вместе с туфлями Джиао получила в подарок собственный стульчик для процедуры, и мать нашла возможность и ей нанять прислугу для ухода на первые месяцы. Еще она потратилась на мастерицу по бинтованию из дунганского народа, которая плохо говорила по-китайски, сама была простоволоса, не забинтована, но славилась своей работой, пользовалась уважением и доверием во всей округе. Мать решила оплатить ее недешевые услуги, так как со старшей она попала впросак – сама бинтовала ноги дочери и не справилась, что обернулось несчастьем для Юби.

Джиао подходила к своему стульчику, когда никто не видел, и с интересом разглядывала его. Он был из черного красивого дерева, с высокой спинкой и специальными ящичками, в которых лежали блестящие ножницы и еще какие-то диковинные инструменты, тряпочки и таинственные бутылочки. Всем своим маленьким колотящимся сердцем Джиао чувствовала приближение новой прекрасной жизни.

Мать высчитала по календарю благоприятный день начала бинтования. Коренастая дунганка пришла в их дом молча, опустив глаза. Джиао с радостью прибежала из сада на зов матери. В комнате, в углу, рядом с высоким стулом, мать поставила два небольших корытца, одно пустое, второе с водой, разложила много матерчатых полос, еще какие-то склянки с лекарствами. Дунганка принесла с собой сумку, в которой тоже были принадлежности для процедур. Она достала большую бутылку с вишневой жидкостью и протянула матери, сказав на ломаном китайском:

– Разогреть!

Мать засемила с бутылкой на кухню. Джиао по знаку женщины уселась на стул и протянула ей правую ногу. Та выудила из сумки плотный непромокаемый фартук, надела его, завязав крепко на спине, села перед девочкой на низкий стульчик и приняла ее ножку себе на подол. Она гладила ступню Джиао своими сухими крепкими пальцами и удовлетворенно покрывала. Видимо, ей нравилось строение ноги, и она предвкушала удачную процедуру. Мать задерживалась, и дунганка начала тихо бормотать незнакомые слова, значение которых Джиао не могла разобрать, но быстро поняла, что слышит чужую мусульманскую молитву. Гортанная речь дунганки немного напугала ее, но тут вошла мать, с разогретой бутылкой в руках, и женщина сразу смолкла. Она взяла бутылку у матери, вылила красную жидкость в пустое корытце. По комнате распространился сладковатый незнакомый запах, и девочке стало нехорошо. Дунганка поместила правую ногу Джиао в корытце с кровью и начала омыwać и с силой разминать ступню девочки. Движения ее были умелыми и приятными, Джиао понравилось таинство. Она с радостью подумала, что все опасения матери были напрасными. Мать говорила – девочка должна будет терпеть и надеяться, что ножки ее превратятся в цветки лотоса, и тогда хороший муж возьмет ее себе, обеспечив на всю жизнь. Массаж ступни был абсолютно

безболезненным, и Джаио с гордостью посмотрела на мать, пытаясь молча поделиться с ней радостным моментом.

Дунганка закончила разминание и переместила распаренную ногу Джаио в корытце с чистой водой, отмыла, осушила тканью и обработала прозрачным раствором из другой бутылки. После она вылила в корытце с кровью зеленоватую жидкость из третьей бутылки и замочила в получившемся растворе хлопковую материю. Пока бинты отмокали, дунганка аккуратно и очень коротко подрезала ногти Джаио, что было уже немного неприятно. Вынув замоченную ткань и тщательно отжав ее, женщина приступила к бинтованию. Она крепко зажала ногу Джаио своими бедрами, затем одной рукой согнула все пальцы, кроме большого, и прижала их к подошве. Девочка испуганно вскрикнула, но ногу отнять не смогла. Дунганка быстро и методично, второй рукой, начала наматывать на скрюченную ступню пропитанные бинты. Джаио заплакала от боли. Мать резко бросила в ее сторону:

– Будь взрослой, Джаио! Это все делается для тебя, будь благодарна!

Джаио не могла пошевелить ногой, сжатой сильными бедрами дунганки. Она понимала, что выдергивать ногу нельзя ни в коем случае, но боль становилась все сильнее, и слезы сами текли по щекам.

–Джаио! – услышала она возмущенный оклик матери.

Дунганка, надо сказать, не медлила, она уже закончила бинтовать пятку, закрыв полностью тканью всю стопу девочки, и пришивала концы бинта для пущей крепости. Одна нога была готова. Джаио не могла вздохнуть от боли, она стиснула зубы как можно сильнее и молчала. Но, когда дунганка взяла ее левую ногу и поместила в корытце с кровью, куда перед этим добавила горячей воды, Джаио не выдержала и заплакала навзрыд. Тогда мать начала рассказывать Джаио о том, какой мужественный и красивый будет ее муж, как он будет любить тонкие крошечные ножки Джаио, как соблазнительно они будут выглядеть в ярких маленьких туфельках. Еще она пообещала, что купит Джаио еще несколько пар. Девочка плакала, не останавливаясь, но сопротивляться не думала и дала дунганке завершить все процедуры и с левой ногой. Закончив, та быстро собрала свои причиндалы в сумку, получила оплату и ушла.

Девочку подняла на руки служанка и отнесла в постель. Боль в забинтованных ступнях была тупой и начала расти. Джаио плакала, боясь даже пошевелить ногами. Она отказалась от чая, принесенного служанкой. Всю ночь Джаио не сомкнула глаз. Один раз она заплакала в голос и навлекла на себя гнев матери. После девочка старалась сдерживать рыдания, направляя их в подушку. Но под утро боль стала невыносимой, и когда снова прибежала рассвирепевшая мать, Джаио начала умолять ее снять бинты. Она не стеснялась своих слез, пыталась разжалобить. Но вышло обратное: мать с размаха несколько раз вытянула Джаио по спине, и девочка поняла, что послабления не будет. Мать вышла на кухню и что-то повелительно сказала служанке. Та через несколько минут принесла чашку с теплой, резко пахнувшей жидкостью и заставила Джаио выпить. Жидкость обожгла горло, Джаио закашлялась и с трудом сделала пять-шесть глотков. Скоро ее сморило. Когда девочка проснулась через пару часов, служанка принесла туфли – нужно было начинать ходить.

Дунганка появлялась через день – снимала бинты и обрабатывала ноги Джаио квасцами и другими травяными настоями. Каждый раз новая перевязка делалась все туже. Ежедневно девочку заставляли ходить какое-то время в маленьких туфельках, которые натягивали на ее забинтованные ноги. Передвигаться в таком состоянии Джаио могла только по сантиметру, семенящими шажками. Мать подбадривала девочку, обещала, что скоро походка ее станет как у прелестной дамы из высшего общества, а бедра от постоянного напряжения нальются кровью и приобретут чарующие формы.

Джаио научилась плакать в одиночестве, когда никто не видит, иначе ей грозил материнский гнев. Через три недели, несмотря на то, что бинтование начато было в зимнее время и в правильный лунный день, случилась неприятность. Второй и третий пальцы правой стопы

стали красными и немного набухли. Дунганка сменила бинты, обработала все квасцами и сказала с сильным акцентом, что скоро будет нагноение. Джиао не знала, что она имеет в виду, но боль в правой ноге стала сильнее. А когда через пару дней дунганка легко убрала отслоившиеся от гноя ногти, девочке полегчало. Мать радовалась, что на этот раз наняла знающую работницу – у Юби пять лет назад нагноение перешло на пальцы, и они омертвели, потом воспаление перекинулось на ногу, и несколько недель никто не знал, сохранится ли у девочки нога и останется ли она в живых. Это было, по сути, одно и то же: одноногая Юби мертвым грузом легла бы на плечи родителей.

Джиао лучше справлялась с процедурами, и уход за ней был более умелый. Заживление шло почти без неприятностей, что предвещало хороший результат. Даже переломы косточек, позволяющие сделать ступни почти идеальными, прошли у Джиао удачно, заставив ее пострадать совсем недолго.

Через год Джиао уже потихоньку, мелкими шажочками, передвигалась по саду. Ноги ее были обуты в разноцветные чудные туфельки с острыми носами, и личная служанка была больше не нужна, тогда как Юби первые два года могла передвигаться только с поддержкой помощницы. Да и сейчас сестра редко вставала со своей кушетки, словно ожидая, когда ее переложат на свадебный паланкин и отнесут в дом мужчины.

Однажды Джиао застала старшего брата у приоткрытой двери в комнату Юби.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

Донгэй дернулся от неожиданности и резко повернулся к девочке.

– Не твое дело! – грубо рявкнул он и быстро пошел по коридору.

Джиао восемь лет, но она уже понимает, что могло привлечь юношу к дверям обездвиженной девушки. Юби обычно сидела на плетеной кушетке в углу и вышивала или просто смотрела в окно. Ножки ее в крошечных туфельках были вытянуты и хорошо видны. Джиао знала, что нет объекта желаннее для молодого мужчины, чем девичьи ножки-лотосы, обмотанные тканью. Она ощутила телесный жар Донгэя, когда он сбегал после томительного разглядывания таких близких и в то же время недоступных цветков.

Иногда Джиао смотрит на веселую Дэйю, которая бегаёт по саду, и радуется детской свежести и непосредственности. Однако себе она не может позволить быть такой несмышлёной. Наступает девятая зима Джиао, и деревья в саду чуть припудривает снегом, а бабушку уже не выкатывают в кресле во двор, чтобы та не простудилась. Джиао сидит в своей комнате с вышивкой, боль в ногах уже не так сильна. Боль стала как добавочный орган, нужный для будущей жизни. «Я – сад, – думает девочка, – а боль – это деревья в саду. И сейчас деревья совсем голые, но красивые из-за снега, а весной каждая веточка выпустит нежные лепестки, и сад так и останется красивым и живым. И весной, и летом, и осенью. Я – сад, а деревья – это моя боль. И без деревьев сада не будет».

Джиао знает, что сегодня важный день для Дэйю. Смутно слышала она про восстание дунганского народа, которое началось в провинции. Это мало волнует Джиао, двери ее дома закрыты для посторонних, и она не задумывается о том, что происходит на соседних улицах. Знает только, что женщина, бинтовавшая ей ноги, спешно покинула Юньнань и уехала в далекую неведомую страну под названием Россия. Самой лучшей бинтовальщицей она была на родине Джиао, а теперь пришлось найти другую. Джиао слышит громкий плач Дэйю из другой комнаты и резкий окрик матери:

– Прекрати немедленно!

Джиао радуется. Скоро Дэйю станет настоящей женщиной, как и она сама.

Евгения Костинская

Бабушка

– Ты пойдешь со мной? – Вадим Андреевич быстро глянул на жену. Александра Львовна, Алечка, сидела, поджав ноги, на диване, одной рукой придерживала толстый, медленно перелистываемый том, а другой стирала со стакана выступавшую испарину. Лед бултыхался в стакане и воевал с долькой лимона.

– С меня и прошлого раза хватило, нужен перерыв, – она еще секунду задержалась на странице и посмотрела на мужа. Футболка, которую он занес уже над головой с продетыми в рукава руками, обмякла и повисла. Он продолжал так стоять, полуголый, глядя на Александру Львовну и одновременно сквозь нее.

– Это же твоя бабушка, в самом деле. Возвращайся скорее, сходим, прогуляемся вечером. Не забудь для нее халат, в пакете, рядом с вешалкой лежит.

Вадим Андреевич резко надел футболку. Взял со стола наушники, подключил, вставил в уши. Мысли смазались и отступили за забор басов.

Идти было недалеко. Даже близко. Пыльный раскаленный асфальт. Помятая к концу лета зелень. Вечно кричащие в парке дети. Мои так орать не будут. С чего им орать? Он повернул на знакомую с детства улицу. Старый помпезный дом в тусклой лепнине задыхался и ждал вечера. Он выключил музыку.

На детской площадке у дома звенел мяч. Перед подъездом, как охрана, восседали старухи. Когда стал приближаться, они замолчали и уже не отрываясь следили, и он шел, как атлант, под ношей их сплетен.

В подъезде было прохладно. Пахло супом и плесенью. Он подождал лифт, посмотрел, как красный огонек обещающе замигал, и двери надсадно, по-стариковски, открылись.

– Вадик, внучок, наконец-то! – Нина Сергеевна ждала его, быстро открыла дверь, и, открыв, придерживала, не отпуская, и за Вадиком сразу захлопнула, повернула два раза ключ и до упора задвинула шпингалет. И уже затем развернулась полностью к внуку.

Загар неровно запекся на лице, не проникая вглубь морщин. Как будто поправились. Она была маленькая и кругленькая. Круглое лицо с высокими скулами, круглые щеки, и за ними бесцветные маленькие глаза, такие же, как у Вадика. Он тоже еще недавно был почти круглый и теперь изо всех сил старался стать другой геометрической фигурой.

– Вот, смотри, я тут вам ягодок привезла.

На полу ждали приготовленные сумки. В каждой теснились разрезанные пластиковые бутылки, наполненные черной смородиной. Тара стояла плотно-плотно, в два этажа. Нина Сергеевна хотела быть полезной.

– Бабушка, да не нужно было столько на себе везти.

Говоря «бабушка», Вадим Андреевич делал голосом небольшой нажим и проглатывал слоги, так, что получалась «баушка», и даже короче. Как произносил в детстве. Это выходило немного искусственно, но он все равно продолжал так говорить. Ему казалось, это должно придавать его словам что-то мягкое, послушное, чего давно не было. Он думал, что бабушке это должно нравиться. А она привыкла, и почти не замечала.

– И вот, это тебе Аля передала, халат.

Нина Сергеевна осторожно взяла пакет, заглянула, как в колодец. Там был хлопковый цветастый халат, на молнии, удобный.

– Это, наверное, Аля себе купила-та, но ей не подошел, и она мне отдала. Спасибо передавай, – бабушка понесла халат в комнату, разложила на диване. Стояла, разглядывала, не поворачиваясь к внуку. Чувствовалось, как она ждет ответной реплики, и ожидание быстро скапливалось и начинало звенеть.

– Ты бы посмотрела, какой размер, Алю можно два раза в него обернуть.

При жене бы она так не сказала, наверное, хотя могла. С Алей бабушка воспринимала их отдельно от себя, отрезанной семьей. А без жены – внук снова становился ее частью, тем же, кого она водила в детсад, заставляла летом полоть грядки и только потом отпускала на речку; он ощущал бабушкины права; «навестить» звучало, как «вернуться домой».

– Ну пойдем, чаем тебя, что ли, напою. Или супом угощу. Я еще пирожков напекла, думала, вы с Алей придете. Может, она бы покушала пирожка-та, она такая худющая у тебя.

«Не могла не прокомментировать», – подумал Вадик, и тут же промелькнуло воспоминание. Алечка жаловалась, пока жили все вместе, что бабушка ходит за ней с блюдом пирожков (пригорелых и пресных), пока не припрет к шкафу, и хоть ори на нее.

Вся кухня была заставлена мебелью, иногда в два ряда. Перед шкафчиками стояли тумбочки, все в пустых трехлитровых банках, на шкафах громоздились старые советские сервизы («Это все вам достанется, кому же еще? Вам и достанется»). Электрический самовар, электрический мангал, кактусы, большие и маленькие, которые то засыхали, превращаясь в плоские колючие тряпочки, то оживали или заменялись новыми, рассажеными в обрезанные коробки и баночки из-под йогурта. Посуда рядами была выставлена на всех поверхностях, и, чтобы что-то выложить на стол, нужно было сначала отодвинуть какую-нибудь банку, кактус или вазочку с конфетами (нельзя ей конфеты, вот же ж бабка).

– Налей небольшую тарелочку.

Жена супов не готовила, и Вадим Андреевич решил не упускать возможности съесть супчику. Куриного, бабушкиного.

Нина Сергеевна засуетилась. Включила газ – разогреть кастрюльку. Половник казался корявым в коротких пальцах, она пролила немного на плиту, газ зашипел («Ничего, вытеру все»). Поставила тарелку перед внуком. Отхлебнув с ложки, Вадим Андреевич отметил про себя, что суп пересоленный и слишком жирный. Смотреть, как бабушка размешивает и разливает, было приятнее, чем есть. И пирожок взял. Пирожков жена тоже не делала. Он оказался такой, как всегда, с капустой и яйцом. И это его обрадовало.

Нина Сергеевна села рядом с внуком и стала смотреть, как он ест.

– Вы ко мне этим летом приедете хоть на дачу-та? Я наняла рабочих, они мне крыльцо переложили. Старые доски сгнившие поубирали, ты бы видел, какие черные уже доски-та. И новые свежие положили. И взяли недорого. Они соседу моему, Антону Палычу, помнишь Антона Палыча? Ему тоже делали, вот и я их наняла. В следующем году еще забор поменяю, а то ведь сколько не меняли.

Вадим Андреевич хлебал и слушал настороженно, не перебивая, глядя себе в тарелку, на круги жира и картошку. Антон Палыч? Нет, он не помнил. Дом, крыльцо, речка, велик – каждое его детское лето спрессовалось до немногих, оставшихся в памяти, картинок.

– Ты знаешь, эти рабочие, отец с сыном, они хорошие, такие, деловитые. Но за ними нужен глаз да глаз. Понимаешь?

Нина Сергеевна долгим взглядом посмотрела на внука. Ну вот, сейчас начнется. Нина Сергеевна погладила глянцевою клеенчатую скатерть, как будто расправляя.

– Они мне в кофе что-то подсыпают, – и торжественно замолчала.

– Во-первых, тебе врачи запретили кофе, бабушка! Забыла про множественные язвы? А во-вторых, никто тебе ничего не подсыпает, запомни, – Вадим Андреевич и разозлился, и успокоился одновременно. Будто гнойник нарывал и зудел, и вот лопнул.

– Ну, ты же не видел. В банке с кофе такой белый налет, это они. Я знаю. Им, конечно, ничего не сказала. А только высыпала кофе, полбанки. И на огурцах. На огурцах засоленных тоже. Белый такой налет, это все они, я знаю. Ты бы приехал и посмотрел.

– Глупости говоришь. Кому это нужно?

Вадим Андреевич знал, что только усугубляет, но хотел поскорее достичь дна, чтобы все закончилось. Он злобно переводил взгляд с одного шкафчика на другой. На подоконнике лежал нераспечатанный комплект нарядных полотенец, которые они с женой еще весной дарили Нине Сергеевне. Так и не раскрыла, бережет. Для чего? Он отвернулся от окна.

– А вот ты мне и скажи, кому это надо? Они, – пауза, – не просто так это делают, у них заговорщик есть, он тут живет, этажом выше, ты его знаешь.

Кто там, этажом выше, живет-то, Вадик уже и не помнил, жильцы менялись несколько раз за последние пару лет.

– Я там, наверху, и Алин голос слышу часто, ты ей передай, пусть спускается ко мне-та, и ты вместе с ней приходи, – спокойно продолжила Нина Сергеевна. Вот из-за таких моментов Вадим предпочитал навещать бабушку с женой, чтобы не слышать подобных гипотез.

– Кажется тебе все, какой заговорщик? – Вадим Андреевич брякнул ложкой и отодвинул тарелку так, что остатки супа расплескались, и Нина Сергеевна отшатнулась.

– Сергеем, кажется, зовут. Этот сосед, сверху, он недавно спросил, как у меня здоровье? Чего ему о моем здоровье спрашивать-та. Отравить меня хотят, точно. И чтобы дача им отошла, ты им часть дачи и отпишешь. Я все равно скоро умру. Так что уж, годом раньше, годом позже. И врачи тоже в сговоре, они мне таблетки такие в прошлый раз выписали, что только хуже стало, я, когда к ним приходила, во вторник-та, приносила свои лекарства, чтобы мне мои ампулки кололи, а медсестра взяла и унесла их, и колола уже другие, я знаю, она их подменила. Зачем уносить-та. Они тоже в сговоре. Никому старики не нужны, я знаю, в передаче о таком рассказывали, как стариков травят, чтобы квартиру переписать.

– Я пойду, раз ты всех обвиняешь. Поэтому и мать с тобой не общается, невозможно все время обвинения выслушивать. Вот ты все говорила, что к тебе кто-то в квартиру заходит, вещи перекладывает. Я же поставил камеру. Не ходит никто. Не ходит!

– А они знают, когда камера не работает, и приходят, когда выключена, у меня постоянно что-то пропадает, и не найти.

– Забываешь, куда кладешь, бабушка. Никого тут нет, кроме тебя. Подумай, кому нужна твоя дача, до которой три часа ехать, и все равно не доедешь? Я пошел, – Вадим Андреевич медленно, демонстративно встал.

– Ну, Вадик, попей еще чаю, – Нина Сергеевна скатилась со стула и зашаркала за внуком. – И переезжайте ко мне обратно. А что я должна думать-та? Все огурцы пленкой накрылись, все огурцы...

– Не знаю, что ты должна думать, но уж точно не это. Не нанимай никого, если боишься. Сдалась всем твоя дача.

– А я тебе вот еще чего не сказала. Я этот кофе отравленный выпила, пожалела выкидывать, и мне плохо стало. Плохо, Вадик!

– Да нельзя тебе кофе! Выкинула, и правильно, наконец-то. Буду теперь приходит, и проверять, чтобы ты его не пила.

– Да, да, и приходи почаще, – Нина Сергеевна, как ни в чем не бывало, улыбнулась. Вадим Андреевич стоял уже в коридоре, обувался. Строго, по-воспитательски смотрел на бабушку. Она топталась нахохлившаяся, раскрасневшаяся.

– Ну ладно, Вадик, ладно. Я тебя не обвиняю. Приходи. И сумочки-та возьми, это я вам с Алей привезла. Ладно, Вадик?

– Только, если не будешь глупости говорить.

– А огурцы я тоже выкинула, раз они отравленные.

Вадик взял пакеты, осторожно их поднял.

– А смородина тоже отравленная, может быть, это ты нас травишь?

– Зачем же мне-та, Господи помилуй.

– Откуда я знаю, зачем. Тебе виднее, ты же это все придумываешь.

– Ну прости меня, – Нина Сергеевна придерживала внука за руку чуть выше кисти и поглаживала легонышко. – Я старая, глупая. Приходи почаще. И Але спасибо передавай, – она помолчала, а потом добавила: – Передавай, передавай, и на дачу ко мне приезжайте.

Вадим Андреевич вышел из квартиры и остановился у лифта. Он смотрел себе под ноги и сердился, что лифт остановился где-то этажом ниже, поскрипел, потом опять затрясся и только после этого пополз вверх.

Бабушка стояла у открытой двери, как она всегда делала, когда провожала, и ждала, когда он уедет.

Нина Сергеевна осталась одна. Прислушалась, как грохочет, спускаясь, лифт. Торопливо и громко закрыла дверь, провернула дважды ключ, затем клацнула задвижкой. На цыпочках прошла в комнату и села на диван. Через минуту встала, перед глазами запрыгали зеленоватые зигзаги и цветные мушки. Она подошла к окну, которое глядело во двор. На детской площадке звенел мяч, кто-то истошно орал. Вадик в детстве никогда не орал, а эти что? Вот сейчас должен выйти. Дверь подъезда открылась, Вадик в полпрыжка спустился по короткой лестнице и быстро зашагал вдоль дома. На окна не посмотрел. А раньше махал ей, баушке, когда за дом убегал. Чем дальше он уходил, тем более пусто становилось в комнате. И вот завернул. Но Нина Сергеевна ощущала его присутствие, слабеющее, но реальное, физическое.

Она еще постояла перед окном, глядя то на кроны деревьев, то на мелькающих внизу подростков. Это полезно, тренировать зрение – то на близкие предметы смотреть, то на дальние. От скамеечки отделилась и поплелась в свой подъезд Настасья Ивановна. И Нина Сергеевна тоже отошла от окна. С книжного стеллажа, из-за стекла, браво смотрел ее покойный муж и еще маленькая, такая же бравая, круглолицая дочь. Вадик, щекастый и послушный, был цветной и приветливый на детсадовском снимке. Этажом выше что-то шлепнуло, потом загудело, стало слышано, как возят по полу пылесосом. Нина Сергеевна замерла, прислушалась. Это они теперь специально будут пылесос включать, чтобы я Алькин голос не могла различить-та, проходимцы. И, постояв еще немного, вышла из комнаты.

На кухне Нина Сергеевна поставила чайник. Послушала бормотание пузырьков, сначала маленьких, а потом больших и злых. Открыла шкафчик и достала металлическую рифленую банку. Насыпала в чашку две ложки растворимого кофе. Вот бы Вадик ругался, но он не видит. Потом достала из шкафа сахарницу с отбитым краешком. И насыпала ложку. Врачи запретили ей сахар. Она остановилась, поводила ложкой по сахару – не зря песком зовут. И насыпала еще две. А если хочется, что же теперь. Вода шипящей струей запузырила кофе. Всю жизнь пила кофе и сахар кушала, ничего не будет. Она подошла к плите, попробовала кастрюльку – суп был еще горячий. Она налила себе в Вадикову тарелку, поставила на стол, немного пролив. Развернулась и посмотрела на нижний шкафчик. Будто ожидая, что дверца может открыться сама. Но дверца только мозолила глаза, расплываясь по краям, и только посередине узор, имитирующий срез дерева, становился все четче и четче, выпуклее. Открыла. С полки на нее смотрели одинаковые, набитые хрустящими огурцами банки, огурцы были переложены крупной

петрушкой, на дне желтели зубцы чеснока. Она достала банку аккуратно, поддерживая одной рукой снизу, другой за горлышко, поставила на стол. Открывала долго консервным ножом, а потом доставала огурец Вадиковой ложкой, помогая пальцем, коротким и толстым.

– Ну что, как? – спросила Алечка, открывая мужу. В комнате пахло бабушкиными ромашками, которые вот-вот собирались увядать, их Нина Сергеевна привезла с дачи на прошлой неделе.

– Да как обычно, – Вадим Андреевич аккуратно поставил пакеты, посмотрел на свои руки с красными вмятинами. И как она столько носит на себе? – Опять травят, выбросила все огурцы, которые засолила. Говорит, в банки что-то подсыпали, они белым налетом покрылись.

– Вечно у нее все скисает. Жалко. У нас еще несколько банок осталось, – Александра Львовна заваривала зеленый чай, она могла его пить сколько угодно, в любую погоду.

Вадик постоял посреди комнаты и вдруг произнес:

– А к кому ты в гости ходила, в квартиру над бабушкиной? – И пожалел, что спросил.

– Я даже не знаю, кто там живет. Рехнулся, что ли?

Вадик поднял пакеты и понес их на кухню, в холодильник ставить. За белой прохладной дверцей, в углу, стояла открытая и наполовину только съеденная банка огурцов. Он взял ее аккуратно и заглянул внутрь. Мутноватый белесый налет тонкой пленочкой плавал, касаясь болотных пупырчатых тел.

Ольга Лушникова

Ничего

Всю ночь шел дождь с порывами шквалистого ветра. Лето никак не начиналось. На дворе стояла середина июля, пора сбора ягод. Зинаида Андреевна натирала ноги мазью. День выдался пасмурным. Часы тикали. Желудок подсасывало. Давно пора бы завтракать.

Дверь закрипела, и в дом Зинаиды Андреевны вошла соседка.

– Ну, будь здорова Зина. Чего расселась? Не кушала еще, смотрю.

– Все гудят и гудят ноги-то. Дождь какой был давеча. Под дождь спится хорошо.

– Дорогу размыло. Ветки посшибало. Деревья повалило. Рога все антенные посворачивало. Телевизор не работает!

– Да что ты, Шура?

Зинаида Андреевна всплеснула руками и обхватила ими щеки. Крышечка от мази покатила по полу. Баба Шура остановила крышечку своей палкой, но наклоняться и поднимать не стала.

– Зашла проведать тебя.

– Дождь-то все поливает? Как-то там садик мой, не сходила еще. Дети с внуками приедут, а их и угостить будет нечем.

– Я уж смотрела.

– Шура, не говори мне только, неужто чего? Сама я пойду погляжу.

Зинаида Андреевна схватилась одной рукой за грудь, другой оперлась о сетку кровати, тщетно ища в ней опоры для подъема.

– Чего ты? Тю! У тебя ж все цветет да пахнет. Ни одной ветки ветер не тронул. Как у Христа за пазухой живешь!

Зинаида Андреевна так и не поправила платок после сна. Волосы седыми свалевшимися прядями лезли на лоб, свисали вдоль мятых щек, словно бы волглых от бесконечного дождя. Гольфы, что служили лечению ног, если бы их только дотянуть до колен, так и болтались у щиколоток, спадая на шерстяные тапочки со сбитым и вылезавшим наружу овечьим мехом. На щеках стали медленно расплзаться багровые пятна – мазь со змеиным ядом вступила в реакцию с кожей.

– Шура, а тебе, я смотрю, беспокойно спалось-то? Ждала все, что мой садик с лица земли ветер сотрет?

– Сад мне твой не мешает, пусть. А сарайчик вот не у места своего раскорячился. Дорогу посередь всей улицы водищей вымыло, не пройти по ней, не проехать. А сарайчик твой, паразит, что погода ему, что непогода, так и стоит на участке моем, чтоб ему пусто было.

– Шура, опять свою шарманку старую завела? Сколько можно-то? Это забор твой поставлен ближе положенного. Давнишнее дело-то.

– А документы?

Зинаида Андреевна молча посмотрела на Шуру. Та продолжила:

– Сама говорила, что нет у тебя в документах никаких построек, кроме дома-то. Вот и его, сарайчика, паразита, получается, что и нет.

– Ты это к чему?

– Так, вспомнила.

Зинаида Андреевна поставила чайник, положила вишневое варенье в вазочку. Блины ждали гостей еще со вчерашнего вечера.

– Садись, позавтракаем. Куда нам торопиться-то?

– Вишь ты, какая деловая, Зина! Блинов наготовила. А мне болтаешь, что спится тебе под дождь хорошо. Варенье этого года? Вишни у тебя много, смотрю.

– Шура, ну что ты? Сколько лет-то мы с тобой знакомы? Сказать страшно, сколько.

– На возраст мой намекаешь?

– Чай давай пить будем.

Шура попробовала блин, накапала варенья на платье и не заметила. Сделала пару глотков чаю, обожгла небо.

– И чего я расселась тут с тобой? Пойду. Кто мне поможет вишню вот распилить упавшую? Больше двадцати лет росла. А тут в одну ночь упала.

– Шура, не переживай, попей чайку. Сережка с отпуска приедет завтра, мой старший, и тебе ее распилит. Завтра, как чувствую, завтра.

– Зина, какая же ты все-таки...

Шура больше ничего не добавила. Встала и вышла, скрипнув дверью.

Зинаида Андреевна осталась одна. Ноги все гудели и гудели. На улицу за весь день так и не собралась. Борщ приготовила к приезду сына, да спать легла. Зинаида Андреевна не вспоминала больше о Шура. Шестой десяток бок о бок живут, обиды соседкины не новость.

Всю ночь опять лило. А утром в дверь постучали.

– Шура, заходи, открыто у меня.

– Ну, мам, ты даешь, сына не признала?

Зинаида Андреевна спешно поправила платок.

– Сереженька, приехал! Сметанки нет у меня. Борща вот сготовила, как ты любишь. Знала ведь, что сегодня!

– Не надо было, мам, еле же ходишь. А бабу Шуру чего вспомнила? Вишня вон у нее, смотрю, в огороде упала.

– Сережа, ну сколько лет-то вместе мы с ней? Больше, чем с тобой, вон. Человек она одинокий, понимать надо, родная она мне.

– Ну, ты как скажешь, мам. Такая родная, что взяла твою сарайку, да разобрала по доскам. Куда она только хлам весь из нее дела вековой? Сама ночью таскала да закапывала? А утром чай пить к тебе пришла, как ни в чем не бывало!

– Сарайку-то? Да что ты говоришь, сын? Давеча Шура корила, что мешает он ей. Но чтоб без спроса снести? Не стала б она! Всю жизнь мы с ней.

– Мам! Да ведь бабы Шуры нет в живых. Не стали говорить тебе, что похоронили ее месяц назад.

– Ну, ты, сынок, и скажешь. Борщ будешь? Только за сметанкой схожу. Не сказали они. Каждый день мы с Шурой чай пьем.

Зинаида Андреевна вышла из дома, шаркая ногами. В одной руке у нее болталась заштопанная холщовая сумка с литровой банкой для сметаны. В другую она ухватила крышечку от банки.

Остановилась у самой калитки и оглянулась на Шурин дом.

Рядом с забором, что разделял соседские участки, стояла вишня с тонким кривым стволом, стыдливо прикрытая ее же, обломанными непогодой, ветками. Ветки были усыпаны ягодой, так и не доклеванной птицами. И больше ничего. Не было парника. Огуречные усы не вились по колышкам, не заготовленным с весны. Не было грядок со свежей зеленью. Лишь среди перепутанных сорняков кое-где проглядывали клубничины: опухшие, подгнившие, одного цвета с суглинком, они были склизко поедены лягушками. Не было и сарая. Как не было и кота, обычно добывающего себе прикорм под его порошком.

Крышка от литровой банки выпала из рук Зинаиды Андреевны и покатила по светло-коричневой глади лужи напрямик к забору.

Соседка Шура стояла на месте бывшего сарая и глядела на подругу. Она остановила прикатившуюся к ней крышку своей палкой, но наклоняться и поднимать не стала.

Федор Людоговский

Грустный пакет

Я смотрю в окно. Это одно из главных моих занятий в последние недели. Я сижу, смотрю в окно – и никуда не спешу. Да и куда спешить, к чему суетиться? Обычная дневная программа выполнена: мы сходили в магазин, взяли немного замороженных овощей, сухарей, воды. В квартире тепло, сухо. Олечка накормлена. До вечера можно ничего не делать. Сиди себе, читай книжку. Но штука в том, что книжек нет. Совсем. И я не знаю, какой в этом смысл. (Да и есть ли смысл во всей этой истории?) Так или иначе, читать мне нечего. И вот я сижу и смотрю в окно.

В окне – знакомая картинка. Беспольные машины. Тот самый продуктовый магазин, в который я теперь хожу каждый день. Пустая детская площадка. А между зданием магазина и моим домом – дерево. На нем только что распустились листочки. «Еще не запыленная зеленая листва» – как пелось в одной детской песенке. Зеленая радует глаз. Но досадным диссонансом на одной из веток торчит грязноватый полиэтиленовый пакет. Утром этого пакета еще не было. Видать, принесло ветром. «Снять бы его», – лениво думаю я. Но я знаю, что лестницы у меня нет, лазить по деревьям я давно разучился, да и вообще как-то неохота напрягаться. Пусть висит, что поделаешь... Может быть, ветер будет сильнее, и тогда пакет отцепится и полетит себе куда-нибудь дальше.

– Что это тут висит? – раздастся рядом со мной Олечкин голос. Я не заметил, как она появилась на кухне. Ей, наверное, года четыре, так что на самом деле она говорит примерно так: «Тито это тютю висит?» Но я прекрасно ее понимаю, да и сам разговариваю с ней без всякого сюсюканья.

– Это, – говорю я, – висит пакет. Кто-то его выбросил на улице, а потом ветер его поднял – и понес по воздуху. Ну и он зацепился за дерево. Теперь висит вот.

– Он что, злой был? – Это, стало быть, второй вопрос. Теперь я уже забросил это занятие, а в первые дни я всерьез занимался подсчетами Олечкиных вопросов.

Я увидел ее в магазине. Она сидела в тележке, на такой специальной приступочке, чтобы возить детей. «Ты кто?» – спросила она спокойно и безо всякого испуга. Ну что бы вы ответили на такой вопрос? Наверное, что-то вроде *homo sum*. Но я решил не нырять в философские глубины, а вместо этого представился: «Гоша». – «Пойдем домой!» – сказала Олечка. И мы пошли домой.

Пока мы дошли до моей (моей? – да, смешно) квартиры, Оля сумела задать мне ровно сорок два вопроса. Про тележки в магазине, про луну, про солнце (в тот день на небе можно было видеть оба светила одновременно), про ворону, которая купалась в луже, про мои кроссовки... При этом та дурацкая ситуация, в которой мы оказались, ее, по всей видимости, совсем не удивляла и не интересовала. Она не спрашивала, где ее мама, где папа, как она тут оказалась... А вот я к тому времени уже по которому кругу задавал себе одни и те же вопросы: почему я здесь? что это за квартира, в которой я проснулся за пару дней до встречи с Олей? Да и вообще – что это за город? И куда делись все люди? А главное – это тот самый вопрос, который задала мне моя маленькая подруга: кто я?

Я помнил свое имя – Георгий, Гоша. Я откуда-то знал, что мне тридцать пять лет. И что у меня есть высшее образование. И я даже знаю, в какой именно области: я историк. Но кто я по сути, что за жизнь у меня была до всего этого – тут я не помнил практически ничего. Так, какие-то обрывочные образы, всплывающие преимущественно в снах. Историк без истории. Ирония судьбы, так сказать.

– Он что, злой был? – повторяет свой вопрос Олечка.

– Кто злой? – спрашиваю я, совсем потеряв нить разговора.

– Человек пакета выбросил – он злой был? Он хотел обидеть пакета?

– Нет, – говорю я. – Человек, наверное, был не злой. Он просто не подумал. А может, он просто что-то достал из пакета, а тут налетел ветер и вырвал у него пакет из рук.

– И теперь он тут всегда будет висеть?

Всегда... Суровое слово. Олечка, я не знаю. Я вообще не понимаю, идет ли тут время. То есть второй закон термодинамики никто не отменял: мы оба с тобой, надо полагать, становимся старше; молочные продукты в нашем магазине начинают портиться; лето, похоже, постепенно приближается к своей середине... Но – всегда? Тут я отказываюсь что-либо предполагать.

– Не знаю, – отвечаю я вслух. – Может быть, ветер унесет его дальше. А может, его утащит какая-нибудь птица.

– А птица сможет в нем жить? А она сможет его съесть?

Оля начинает задавать вопросы один за другим, уже не дожидаясь ответа. Пакет, висящий на дереве, пробудил в ней фантазию, и она просто говорит вслух все, что приходит ей в голову. А вопросы – это просто привычная ей форма для мыслей.

– А его с самолета видно?

Хороший вопрос. Кстати, за все эти дни не видел в небе ни одного самолета. А надо бы понаблюдать. Вдруг тут еще кто-то есть, кроме нас двоих, – ну пусть хотя бы на высоте десяти километров?

– А когда будет темная-темная ночь, он будет светиться?

– Это вряд ли.

– А если снизу хорошенько подуть – он отцепится?

Попробуй, девочка, попробуй...

– А почему вон другой пакет летит высоко, а этот зацепился?

Да, почему все люди куда-то исчезли, а мы тут с тобой застряли?

– А если станет жарко-жарко, он растает, да? И будет капать – как будто слезы?

А температура-то и в самом деле с каждым днем повышается. Как бы нам самим не растаять.

– А если ночью ангел полетит, он заденет за пакет?

Ну, разве что это будет какой-то очень неуклюжий ангел.

– А ему там одному не грустно?

Ему – не знаю. А мне... Мне как-то странно. Нет, пожалуй, не грустно. Тем более рядом с этой егзой-стрекозой. Но странно, очень странно.

– А ему там не грустно?

Ага, понятно, тут от меня уже требуется активное участие. Видимо, этот вопрос важен для нее.

– Тебе как сказать – честно?

– Честно, – энергично кивает головой Олечка.

– Честно – я не знаю, – отвечаю я. – Но, может быть, ты права. Может быть, ему там и в самом деле грустно и одиноко. Он висит там без дела, совсем один. Мог бы приносить пользу – но вот зацепился за ветку и просто висит.

Я собираюсь развить эту мысль дальше, но замечаю, что уголки рта у девчонки опустились, и она вот-вот заревет. Я лихорадочно собираюсь с мыслями – нужно как-то исправлять свою оплошность. Зачем мне понадобилась эта дурацкая честность? Навязываю свою меланхолию ребенку.

Но Оля не успевает заплакать.

– Смотри, – возбужденно кричит она, – смотри!

Пакета на дереве уже нет. Он свободно парит в воздухе. Вот он уже над магазином. Вот он уже взмыл выше соседнего дома. Вот он уже скрылся из виду.

– Видишь, – говорю я, – ему уже не грустно. Разве можно грустить, когда ты летишь высоко-высоко и оттуда видишь весь мир?

В некоторой растерянности и задумчивости мы смотрим на дерево, на котором минуту назад был пакет.

– Пакет улетит далеко-далеко, увидит там маленькую девочку и с ней подружится, – говорит Оля.

Да, дружок. Как знать: возможно, и в самом деле нашему приятелю повезет больше, и он где-то найдет людей.

Оли уже нет на кухне. Я тихо подхожу к двери ее комнаты.

– Давай, – обращается Олечка к своему медведю, – давай я была грустный пакет, а ты веселый пакет. И мы летели вместе по небу.

– А давайте я был вороной, – осторожно вступаю я в игру. – И мы летели все вместе.

Оля-пакет и медведь-пакет радостно соглашаются.

И вот мы втроем летим по небу. И нам совсем не одиноко и очень весело.

Кристина Невская

Африка

«Луи Армстронг звучит в нашем белом фургончике на бесконечной африканской дороге. Феня дремлет у соседнего окна, мы в пути, скоро наступит Новый год, молчим, спим, читаем, болтаем, люди улыбаются нам из попутных машин, впереди еще много километров, голосов не слышно за шумами и музыкой, 220 до первой цели, большие города позади, впереди дикая природа, короткие остановки на заправках – маленьких точках на карте тех, кто едет. Дождь, под которым мокли вчера, поворотники вместо дворников, дворники вместо поворотников, сырой воздух, и бабочки, бабочки...»

На этом я закрыла планшет и прислонилась головой к окну. Мысленно поблагодарила себя за то, что не забыла самолетную подушку: очень уж она оказалась кстати в этой поездке, когда проводишь в машине большую часть дня.

День уже кончался, всем очень хотелось добраться до отеля, поесть, принять душ и выпить вина. При всей любви к автомобильным путешествиям, мы все признавали, что катить по африканским пейзажам интересно, здорово, но утомительно. К тому же нас шестеро, и в замкнутом пространстве за все десять лет дружбы мы оказались впервые. Каждый день возникали ссоры по мелочам: кто-то боялся трущоб, кто-то не хотел питаться на заправке, а кому-то срочно нужно было отведать свежей клубники или купить сувениров. Примиряли, конечно, вечера, когда, усталые от дороги и впечатлений, мы собирались в ресторане или баре отеля и заново переживали день, уже вспоминая его.

Завтра нас ждут очередные семьсот километров пути, пролегающие мимо парка носорогов и небольших местных деревень. Сейчас мы находились в той части Южной Африки, где почти не было белых резиденций, поэтому питались, в основном, на заправках, а надписи на дорогах с текстом «Не убивайте нас! Мы дорожные рабочие» останавливали от того, чтобы надолго выходить из машины на шоссе.

Вечер шел плавно. Тело стало немного легче и расслабленнее от вина, словно сбросив оцепенелую усталость дороги. Жаркий воздух оседал на коже, улицы почти не были слышно, только насыщенные густые звуки цикад, кузнечиков и, возможно, еще каких-то неведомых и, к счастью, невидимых насекомых вмешивались в наш разговор. В такие вечера я всегда принимала Африку целиком, несмотря на то, что временами было трудно, иногда напряженно, зачастую слишком красиво, или устало. Но все вместе складывалось в какую-то полную, до конца не разгаданную мной историю про полупустую землю, где живут самые красивые и большие животные, шумят два океана, горы кажутся выше, чем они есть на самом деле, а звуки африканских барабанов отстукивают заданный много веков назад ритм.

На следующий день мы выехали из отеля не как планировали, а часа на два позже. Это означало, что в следующий на нашем маршруте городок мы приедем уже ночью. Почему-то каждый день происходило одно и то же: мы стабильно выезжали на несколько часов позже намеченного времени.

– Народ, давайте заправимся, – предложила Феня, посмотрев на датчик бензина, – хватит еще километров на сто-сто пятьдесят, а мы в парк сначала. Вдруг там не будет заправок?

– Это все же туристическая местность: у парка должна быть, – ответил Антон. – Сейчас тридцать километров крюк по городу получается, если на заправку заезжать, а мы и так от графика отстаем.

– Да будут на трассе заправки, – уверенно произнес Костя, поворачивая ключ зажигания, – если что, дотолкаем.

Крутиться в городе не хотелось никому, поэтому решено было заправиться на трассе после того, как мы сделаем сто пятьдесят удачных снимков с африканскими носорогами.

Носорогов, однако, мы встретили всего пару: они стояли неподвижно, глядя вдаль маленькими слеповатыми глазами, и чутко реагировали на шелчки фотоаппарата, поводя ушами на звук. Я пристально вглядывалась в большое чудное существо, которое дышало всего в нескольких метрах от окна машины: морщинистая грубая кожа, два рога, из которых передний, прокладывающий животному путь, был отшлифован травой и кустарником, словно бутылочное стекло морской волной. Потомок мифического единорога, пришедший на землю тысячелетия назад, вечно сопутствуемый птицами и вынужденный расплачиваться жизнью за людские суеверия. Мать и ребенок почти бок о бок безмятежно жевали траву, изредка поворачивая причудливой формы головы в сторону непрощенных гостей.

– Поедем дальше искать, или обратно на шоссе? – спросила я.

– Давайте возвращаться, – предложил Миша, – надо уже поиском заправки озаботиться.

– Я предлагаю все-таки через парк, – ответил Антон, изучая карту в планшете, – небольшой крюк получается, если верить гуглу, и, может быть, еще встретим кого-то, не просто же так мы сюда завернули.

Костя с ним согласился.

– Посмотри хоть по карте, там заправки есть? – попросила Феня. – А то, если насквозь ехать, мы вообще на нуле будем.

– Да, показывает, что есть две, так что не ссы, не останемся на африканских просторах.

Знакомый гул дороги снова слился с музыкой в моих наушниках. Смотреть за окно уже было неинтересно, я почувствовала, что глаза слипаются, и красная поверхность какой-то другой земли, по которой свободно разгуливали носороги, зазвучала африканскими звуками.

Я, должно быть, видела сон. Насыщенный густой воздух окружил маленького человека в цветной юбке, голого по пояс. Кожа его была черной, высохшей на солнце, в руке мужчины держал то ли палку, то ли посох и отстукивал им плотный, утробный ритм. Вторя ему, сотни рук били в разноцветные кожаные барабаны, почти сплетая между собой розоватые, словно нефтью промасленные ладони. Глухие, точные удары звучали все чаще. Руки мелькали так быстро, что было уже непонятно, и не видно, как возникают звуки: ритм, созданный самим естеством – рождение, жизнь, смерть, рождение, жизнь, смерть. Скорость все нарастает, и вдруг дробь обрывается, остается лишь тишина – все вокруг замирает.

Человек двигался к пещере, я видела, что ему предстоит длинный спуск. Белый носорог послушно шел за ним, робко касаясь морщинистой кожи своим сказочным рогом.

Мне казалось, что проспала я где-то полчаса. Пейзаж за окном не изменился, микроавтобус все так же плутал по извилистым дорожкам парка. В машине чувствовалось напряжение. Феня придвинулась ко мне поближе и шепнула на ухо: «Мы, видимо, заблудились, карта перестала подгружаться, бензин почти закончился, но не говори это вслух, а то Лена сейчас начнет истерить, Миша подключится, и все переругаемся в итоге». Я молча кивнула.

С заднего сиденья раздался встревоженный голос Лены:

– Ребят, что там с картой? Антон ты в курсе, куда мы едем? Вы понимаете, что есть риск вообще здесь остаться?

– Успокойся уже, – миролюбиво ответил Антон, – появился интернет, скоро выедем.

Теперь уже все мы поглядывали на приборную панель, лампочка бензина горела красным, то есть запас хода – от пятидесяти до шестидесяти километров.

– А далеко заправка от парка? – спросил Костя

– На трассе нет, – ответил Антон – показывает, что в какой-то деревне есть, она вроде как нам по пути.

– Деревня – это, конечно, не очень здорово, а следующая?

– Следующая – через двести километров, выход только один – заправляться там.

Мне идея останавливаться в черной деревне тоже не очень нравилась. С одной стороны, за все наше путешествие ничего страшного с нами не произошло. Пару раз в больших городах полицейские предупредили о том, что пора возвращаться в отель, так как после шести вечера на улицах опасно. Однажды мы явно привлекли к себе внимание проститутки и компании черных в баре, но гостиница находилась за углом. По пути к ней слышали, как кто-то идет за нами, однако добрались без приключений.

С другой стороны, каждый раз, выезжая за колючую проволоку белой резиденции, где на заборах сверкали битые стекла, наблюдая километры трущоб с перекошенными лачугами, нищими, которые спят на обочинах или стучат в стекло на светофорах, мы чувствовали, что здесь отчетливо существуют два мира. Да, они как-то ужились на этой бескрайней земле, но ужились очень условно, и разграничительная линия постоянно колеблется, постоянно напряжена.

Я посмотрела на часы, было около трех дня. Мы уже миновали указатель на нужную деревню и пробирались по узким улицам в поисках бензоколонки. Улицы были частично заасфальтированы. Редкие, грязного цвета, дома прятали внутренности за оборванными тряпками на окнах. Прошедший недавно дождь заполнил выбоины дорог тяжелой водой, смешавшейся с глинистой почвой. Вымахавшая высоко зеленая трава скрывала покосившиеся коробки, которые служили нищим постоянным пристанищем. Иногда в поле зрения появлялись кошки, меланхолично созерцавшие привычную местность голодными глазами.

Заправки в таких деревнях, как правило, располагались в центре, рядом с рынком. Здесь было шумно, бойко, сновали местные, изредка проезжали груженные пикапы. Женщины, казалось бы, лишённые всякого изящества – обладательницы тяжелых, словно вылепленных из темного пластилина, тел – несли на головах сетки с фруктами или с домашней утварью. Но я невольно засматривалась на плавное движение больших бедер, безупречно прямые спины и легкую, но твердую поступь, видимо, усвоенную ими с рождения, перенятую от древних прародительниц.

Дети бегали от прилавка к прилавку, бесцеремонно разглядывая и щупая быстрыми движениями выставленный товар.

– Что-то на заправке очередь: машин двадцать стоит, хвост отсюда вижу, – произнес Миша, указывая рукой на вереницу пикапов.

Антон вышел из машины расспросить местных о том, что случилось.

– Остаемся ждать, – сказал Антон, снова залезая на переднее сиденье, – два дня бензина не было, но вроде сегодня должны привезти.

– Вроде? – переспросила я. – Когда привезут-то?

– Сказали, к шести, – ответил Антон

– То есть, когда уже стемнеет, – подключился к разговору Миша.

– Не вариант ждать до темноты, – беспокойно сказала Феня, – давайте попробуем у кого-то перекупить? Вон полиция стоит, может, продадут за двойную цену?

– Предлагаю спокойно ждать, – не согласился Антон. – Привезут, заправимся и поедем дальше. Никто нам тут ничего не сделает.

– Фотики с планшетом хотя бы уберите от окна, – предложила я, – зачем лишнее любопытство у людей вызывать.

Закрыв машину изнутри, мы остались ждать на заправке. Время тянулось медленно. Вокруг происходила все та же, не особо интересная жизнь. Ближе к четырем часам дня солнце стало менее ярким, и тени изменили свое положение.

– Пойду все-таки к ментам схожу, – сказал Костя, – и, пока светло, поищу еще кого-то, кто может продать. На рынке, думаю, могут желающие найтись. Телефон с собой беру, так что на связи, – с этими словами, он вылез из микроавтобуса и подошел к полицейской машине.

Из окна мы видели, что переговоры успехом не увенчались. Костя махнул нам рукой и зашагал прочь от заправки по направлению к рынку.

– Антон, может, тебе с ним сходить? – предложила Феня. Но Антон промолчал, и разговор на этом прекратился.

Кости не было уже с полчаса. По мере того, как надвигался вечер, наша машина привлекала все больше внимания. Местные проходили мимо и не стесняясь заглядывали в окна, кто-то стучал и знаками просил открыть дверь. Я заметила человека, стоявшего на противоположной стороне улицы. Казалось, он не выделял нас в гуще других машин и людей, но я почему-то была уверена, что он прекрасно видит автобус. Станный был человек: одет в лохмотья, через плечо яркая котомка, жесткие черные волосы с проседью свалены в густые дреды, нелепые украшения свисали с шеи, обуви на нем не было. Казалось бы, обычный бродяга, которые встречались нам каждый день, но было в нем что-то, что заставляло меня непроизвольно возвращаться к нему взглядом. Через несколько минут он перешел дорогу и направился в сторону заправки, отчего мне стало совсем не по себе. Мысленно я уговаривала себя успокоиться. Конечно, стоило проштудировать африканские мифы, чтобы потом мне снились духи, переходящие из мира живых в мир мертвых, а в каждом бродяге виделись мифические существа, которые должны завершить свою миссию на земле. Иногда хорошее воображение очень мешает трезво оценивать реальность.

– Ты видишь его? – спросила Феня, легко дотронувшись до моей руки.

Я почему-то сразу поняла, кого она имеет в виду, и молча кивнула. Человек подошел к нашей машине, бесцеремонно заглянул внутрь, приложил руки к окну и начал что-то говорить, широко открывая беззубый рот.

– Народ, давайте отъедем? – предложила Лена. – Позвоним Косте и скажем, где его заберем.

– А ты, кажется, забыла, что мы тут не просто так вечер коротаем, а бензин ждем, — огрызнулся Антон.

– Но, чтобы отъехать-то, он у нас есть, – продолжала настаивать Лена.

– Давайте панику не разводите, прицепился сумасшедший, скоро отвалит.

Тем временем африканец продолжал свое, как мне показалось, уже ритуальное хождение вокруг машины. Его движения привлекли к нам внимание других местных. Он выстукивал по капоту какой-то ритм, произносил еле слышные слова, иногда снимал с себя украшение и подносил его к стеклу. Двое крепких мужчин подошли и встали за ним, указывая пальцами на нас и громко о чем-то разговаривая. Миша сел за руль, чтобы перегнать машину поближе к полицейским. Однако те, угадав наши намерения, быстро уехали. Станный человек, с уже сильно разросшейся толпой местных, снова подошел к машине и схватился за ручку.

– Все, сваливаем, срочно Косте звоните! – занервничала Феня. – Скоро стекла бить начнут.

Уже несколько пар рук выстукивали по машине однообразный ритм: медленно, медленно, быстрее, еще быстрее, красный цвет, сердце, земля, рождение – как будто уже знакомые мне звуки. Я судорожно набирала номер Кости.

– У меня связи нет.

– Ни у кого, видимо, нет, – почти одновременно сказали Миша и Лена.

– Надо уезжать, – чуть не плача, продолжила Лена. – Ребята, заводите машину!

– А как же Костя? Он же сюда вернется! Мы не можем без него уехать! – закричали мы с Феней.

Машина уже начала немного раскачиваться, множество черных рук барабанили по капоту, не умолкая. Паника лишала возможности быстро соображать. В голове вертелись абсолютно странные мысли, которые никак не были связаны с ситуацией, в которой мы оказались.

– Уезжаем, – сказал Антон, перелезая на водительское кресло.

– А Костя? – снова возмутилась Феня.

– А Костю придется оставить здесь.

– Ты рехнулся? Как мы можем оставить здесь человека? Чтобы его тут убили? Да и куда мы поедем в темноте и без бензина? – поддержала я Феню.

– Выберется, позвонит, а мы, может быть, остановим кого-то на трассе. В любом случае, здесь нам всем крышка.

– Может, отдать им деньги и технику? – предложила Лена.

– А ты уверена, что им только это нужно? – криво усмехнулся Антон.

Спорить было бессмысленно. Сумбурные мысли разрывали голову на части. Я напряженно вглядывалась в темноту, надеясь увидеть на дороге Костю, или бензовоз, или добрую, как в американских фильмах, полицию. Лена тихо рыдала у Миши на плече, который, в свою очередь, безуспешно набирал Костин номер. Краем глаза я увидела капельки пота у Фени над верхней губой, Антон судорожно вцепился в руль. Первый камень попал по корпусу машины. Я не думаю, что кидавший промахнулся. Попасть в окно с такого расстояния не стоило труда. Мы отчаянно не понимали этого долгого действия, которые производили местные во главе с сумасшедшим гуру вокруг микроавтобуса. Гораздо проще было уже разбить окна и взять все, что им было нужно. Но, возможно, эта отсрочка имела какое-то ритуальное значение.

Резкий поворот ключа, свет фар, и, рискуя передавить людей, Антон вывел машину с заправки, вслед нам полетели камни и громкие крики, часть мужчин побежали за автобусом. Мы резко набирали скорость, стремясь быстрее попасть на трассу. Вдруг впереди на дороге показалась знакомая фигура.

– Это Костя, тормози! – закричала я.

Почти на ходу он запрыгнул в машину. Лицо было в крови, рубашка порвана. Мы в ужасе переглянулись, и вопросы посыпались один за другим.

– Еле сбежал, в общем. Антон, быстрее отсюда гони, – тяжелым голосом сказал Костя. – Почти договорился о бензине, но вовремя понял, что меня куда-то не в то место ведут. Драться пришлось, чтобы свалить, думал, крышка, – он все еще тяжело дышал, вытирая рассеченную бровь салфеткой.

– А что они от тебя хотели-то в итоге? – спросила Феня.

– Я не понял. Деньги, которые в кармане были, сразу отдал, но им не только деньги были нужны, – ответил Антон.

Проехав еще несколько километров, машина остановилась. Мы припарковались на обочине и вышли посреди абсолютно пустой местности. Трое закурили, с наслаждением затягиваясь сигаретами. Телефоны по-прежнему не работали, ночь уже полностью поглотила трассу, распространяя свои права на эту странную огромную землю. Полная тишина накрыла нас вместе с ночью. Мы были окружены Африкой и ее огромным беззвучием. У всех было много вопросов друг к другу, к тому, что произошло в городе, и к этой дороге. У всех было много вопросов – что делать дальше и чего ждать. Но мы как будто застыли в точке, которую даже еще не нашли на карте, невероятно счастливые тем, что остались живы. Я сосредоточенно вглядывалась в белую отчетливую линию разделительной полосы на шоссе. Сверху яркие звезды расположились на плотном небе в привычном порядке, еще больше подчеркивая бесконечность окружающего нас пространства. Дым от сигарет сладковатым запахом немного резал нос. Но этот дым и белая линия на шоссе говорили о том, что мы все еще здесь, что телефоны скоро заработают, и что, возможно, кто-то появится на дороге.

Через несколько минут впереди забрезжил огонек встречных фар.

Екатерина Оськина

Чертовы взрослые

Я проснулась утром и решила, что сегодня ни с кем не поссорюсь. Я буду послушной девочкой, буду делать все, что мне скажут. Тем более, сегодня я иду в новый садик. Я очень волнуюсь и представляю, как я приду и меня все сразу полюбят.

Мама заплетает мне косички перед зеркалом. Больно дергает.

«Ай!» – думаю я про себя, но молчу, она еще раз сильно дергает, я опять молчу. Это просто испытание, чтобы меня проверить. Нет, я не буду с ней ссориться, не буду ссориться ни с кем.

Мы выходим из подъезда. Только что был дождь. Колеса машин, проезжая, шелестят по воде.

Я загадала: если увижу по дороге красную машину, все будет хорошо. Мимо жужжат черные, белые, проехала темно-синяя, даже розовая, и ни одной красной. Мы уже повернули к садику, дорога остается за спиной, а я без конца оборачиваюсь. Неужели я ее так и не увижу?

И тут пронесится пожарная машина с кричащей сиреной. И она ярко-красного цвета.

Мы толкаем скрипучую калитку, и мама закрывает ее за нами. Очень страшно. После нас заходит мама с мальчиком, и калитка скрипит мягко и приветственно, как будто они – ее хорошие знакомые. Мальчик бежит к какой-то тетеньке, которая стоит на крыльце, и виснет у нее на руках. А мне почему-то хочется плакать.

Но скоро мы заходим в новую группу, и меня знакомят с моими новыми взрослыми. У нянечки доброе лицо, и на нем улыбаются ярко-сиреневые губы, как у моей куклы Монстер Хай. И вообще она выглядит как принцесса. В белом халате, белых носках и белых сандалиях.

А воспитательница Нина Алексеевна еще лучше. У нее большой нос, похожий на клюв. И она красиво запрокидывает голову вместе с ним, как лебеди на озере в парке. Носит длинную юбку, и кажется, что она не идет, а как будто плывет.

Они втроем с мамой встали вокруг меня и улыбаются, как на групповой фотографии, и я им тоже улыбаюсь.

– Ты уже завтракала?

– Да-да, я уже завтракала!

– Катенька, съешь кашку, тебе же целый день тут еще быть, – Нина Алексеевна говорит таким добрым голосом. И я думаю: неужели она меня уже полюбила?

Это манная каша, она холодная и похожа на толстый белый блин, который скользит по тарелке, если ее чуть наклонить.

Я представляю ее клейкий вкус у себя во рту.

– Хорошо, – говорю я и улыбаюсь воспитательнице. Я очень хочу ей понравиться.

Нина Алексеевна подбирает юбку и садится спиной ко мне кормить какого-то малыша. Я смотрю на это как на чудо. Мне кажется удивительным, что она, такая величественная, сидит на таком маленьком детском стульчике. Кажется, что она должна восседать на троне или хотя бы в большом кожаном кресле.

А потом она берет ломтик хлеба и кусает его. И это второе чудо: она жует хлеб, и ее губы мнутся, а щеки шевелятся, как у обычного человека.

Я тоже начинаю есть, отламываю ложкой кусочки, которые похожи на липкие вареники, и пытаюсь проглотить их так, чтобы они не коснулись языка.

– Ну что, вкусно же? – радуется няня.

– Ош-шень, – говорю я, старательно делая улыбку. И случайно задеваю языком этот клейкий кусок.

Он сразу же вываливается на стол.

– Ты что такое делаешь? – у няни стали круглые глаза, и она оборачивается посмотреть, не видела ли Нина Алексеевна

– Давай сюда скорее тарелку, – шепчет она, быстро стряхивает остатки каши в мусорку и ставит тарелку в раковину.

– Ну что, все съела? – спрашивает у меня Нина Алексеевна. Я вжимаю голову в плечи.

– Ну! Посмотрите, как котенок облизал, – няня достает пустую тарелку из раковины, и у нее такое лицо, как будто она, правда, радуется, как я чисто все съела. Она, видимо, что-то перепутала.

Я хочу сказать ей об этом, но нянечка ловит мой взгляд и плотно сжимает губы, как будто это наш секрет.

Нина Алексеевна одобрительно кивает. Я молчу, но мне очень хочется сказать, что я ничего не съела. Пусть лучше она меня поругает, чем похвалит, но не *меня*.

После еды мы идем в актальный зал.

Нина Алексеевна садится за пианино. У нее красиво подняты плечи и подбородок, и она смотрит на себя в зеркало, тоже любит.

– Сейчас мы представим, что мы все стали певцами и стоим на сцене, – говорит она торжественно.

Мы подравниваемся по носкам сандалий, тоже поднимаем подбородки и поем первую песню.

– Нина Алексеевна, а вы кем мечтали стать? – спрашивает какой-то мальчик.

– Я собиралась стать оперной певицей, – говорит воспитательница и почему-то отворачивается. Мне кажется, что ее глаза блестят, как будто она хочет заплакать.

«Это от радости, что ее мечта сбылась», – догадалась я. Она ведь сейчас поет вместе с нашим хором, и сразу понятно, что она настоящая певица и поет лучше всех.

Потом мы идем гулять, и на улице Нина Алексеевна рассказывает мне правила:

– За этот забор нельзя выходить!

– А руку вот так высунуть можно? – спрашиваю я, потому что хочу точно знать, что можно, а что нельзя, и просовываю руку сквозь мокрые металлические прутья.

Но она мне не отвечает.

– Перед верандой надо снять обувь, – говорит она и уходит.

Я снимаю обувь и встаю на мокрую половую тряпку голой ступней, так прохладно и приятно щекочет. И даже по спине прошел холодок до самой шеи.

Мимо проходит нянечка с тазом для мытья игрушек, формочки из песочницы стучат друг об друга в тазике и блестят красным, желтым, как пластмассовые ракушки. Она не видит меня за этим тазом. Спотыкается об меня, и вся вода вместе с формочками выливается на пол, затекает между досок веранды, на ковер. И игрушки лежат в луже как разноцветные рыбки.

– Что же ты встала на дороге! Ой, ну пенек с глазами! – говорит няня с досадой.

Я пытаюсь сдержаться, но слезы уже катятся по щекам, и из горла выходит противный скрип.

– Ну что же ты какая-я, не скажи тебе ничего-о, – наклоняется ко мне няня. Она растягивает последние буквы и смотрит на меня с сочувствием. Как будто ей жалко меня, что я какая-то *такая*.

– Ну. Да не реви ты, – и шепотом: – Сейчас Нина Алексеевна услышит, хуже будет.

– Пенек с глазами! – слышу я снова. Это рядом смеется какой-то мальчик и подпрыгивает от восторга. «Пенек с глазами». Прыжок. Его смех звучит как колокольчик. Он очень-очень рад, а мне хочется ударить его совочком, и я замахваюсь над его головой.

– Ты посмотри, какая! – воспитательница ловит мою руку, тянет меня до скамейки и резко отпускает. Я шлепаюсь попой о доски.

– Сиди здесь. Здесь у нас «скамейка добра».

Какая же это скамейка добра, если я стала гораздо злее!

Я сижу, ни на кого не смотрю. Я чувствую, что все остальные на меня смотрят и знают, *какая я*. И только я одна не знаю.

А ко мне подходит тот самый мальчик, который прыгал. Протягивает мне совочек и садится рядом.

– Иди отсюда!

– Прости, мне ужасно понравилось, что ты пенек с глазами, это же класс!

Говорит он очень радостно, словно, хочет подарить мне кусочек этой радости. И замирает вытаращившись, изображая глазастый пенек, то есть меня.

Этот мальчик здесь самый противный из всех! Даже холодная манная каша и какао с пенкой лучше, чем он.

– Ну, не обижайся, давай тебя будут звать Вселенная, это очень красиво, – он разводит руки в стороны, показывая что-то очень большое. – Вселенная, ты сможешь мне вырыть ров?

Я озираюсь. Нина Алексеевна про меня забыла. У мальчика в песочнице уже начато строительство. Я беру совочек. Мне хочется сделать подкоп, чтобы можно было просунуть руку, это будет мост. Я вырыла ямку и делаю теперь дырку в песочной стене одной рукой, а другой проверяю, держится ли песок. Рука проходит и выглядывает с другой стороны.

Мальчик смотрит на это с восторгом:

– О, это же мост! – Он округляет глаза. – Вселенная, во ты мочишь!

Я не понимаю, я ничего не намочила. Но по его лицу вижу, что мост ему нравится.

– А меня зовут Вадик, – говорит он. – Мне вот столько, – он показывает ладошку с растопыренными пальцами и мизинец на другой руке. – Пойдем, я скажу тебе секрет.

– Какой?

Секрет – это интересно.

– Тебе надо встать здесь. Нет, не здесь, вот здесь.

Он ставит меня под высоким кустом сирени. И со всей силы дергает за ветку.

Сирень шебуршит, и капельки дождя падают мне на макушку, на руки и затекают за шиворот, а там ползут по спине. Это очень приятно. И я смеюсь, хотя и знаю, что он меня обманул. Вадик тоже хохочет и еще раз дергает ветку, и опять на нас льется сиреневый душ.

– Прогулка закончена! – кричит воспитательница. – Кто первый, тот понесет чайник.

Я бегу, чтобы помочь воспитательнице.

– Я хочу, я хочу! – и вырываю чайник у нее из рук. Вместе с чайником вылетает полотенце, похожее на тонкую белую вафлю, которую раскатали скалкой.

– Да возьми ты этот чайник, господи, – воспитательница морщится. Я задела ее юбку рукой, и она теперь торопливо отряхивает ее от песка. «Вот повезло с новенькой», – наверное, говорит она сама себе.

– Извините, – бормочу я. Мне уже не так хочется нести чайник.

Мы заходим внутрь. Пол только что помыли, пахнет тряпкой, хлоркой и рыбными котлетами. Я хочу на улицу, там небо потемнело и дует ветер с песком, это значит, скоро опять начнется дождь. Будет вкусно пахнуть асфальтом, после дождя хорошо набирать воду из луж, рвать одуванчики и готовить суп.

Но в группе меня ждет совсем другой суп. Рыбный. Как же мне могло так не повезти, я ненавижу рыбный суп.

Я беру ложку, опускаю ее в жидкость и вижу, что там плавают косточки и маленькие кусочки раскрошенного яйца.

Я кладу ложку на стол, – что я могу сделать, если я знаю, что не смогу.

– Ложку в правую руку, хлеб в левую, – уточняет воспитательница, словно я маленькая и не знаю этого. Я молчу и ничего не беру.

Она всё смотрит на меня.

– Я не люблю рыбный суп.

– Немедленно взяла ложку, – говорит Нина Алексеевна металлическим голосом. Мне страшно, но я не беру ложку, зачем ее брать, если я все равно не стану есть.

– Лидия Ивановна, можно я не буду? – Смотрю я с надеждой на нянечку. Может, она суп тоже выльет, как выбросила кашу.

И по лицу нянечки понимаю, что я сделала что-то ужасное. Нина Алексеевна вся покраснела.

– Я тебя сейчас из-за стола выкину, – у воспитательницы какой-то осипший голос.

– Это я вас сейчас выкину, – говорит очень тихо Вадик и опускает лицо.

Все замерли. Даже я уже поняла, что воспитательница здесь самая главная.

Она рывком встает со стула, берет Вадика за ворот рубашки и тащит по полу. Он молчит, опирается ногами и не тащится. Все остановили ложки и смотрят.

Воспитательнице все-таки удастся его одолеть. Оказывается, в группе тоже есть «скамейка добра». Нина Алексеевна сажает его туда, и Вадик тоже очень сильно злится.

– Я не буду здесь сидеть, – он ловко выворачивается он и спрыгивает со скамейки. И видит нянечку, которая спешит на помощь воспитательнице.

– Чертовы взрослые! – кричит он и трясет кулаками в воздухе. Но опять оказывается в руках Нины Алексеевны.

– Я буду стоять, – говорит он отчаянно, выпархивает из ее рук, как бабочка из сачка. И встает солдатиком рядом со скамейкой.

Воспитательница сама садится, чтобы передохнуть. Видно, как она устала и выбилась из сил.

Обед закончился, и все дети, кроме меня и Вадика идут спать. Меня должна забрать мама после обеда. А Вадик стоит наказанный.

Воспитательница говорит мне:

– Иди мой руки, сейчас мама придет. Потом поможешь убирать игрушки.

Она включила свой добрый голос, но лицо еще не успела сменить на доброе. Это еще страшнее, чем если бы она просто была злой целиком.

Начался дождь, и слышно, как капли снаружи барабанят по оконным карнизам. Я убираю игрушки и гляжу на Вадика. Мне хочется к нему подойти, а он почему-то отвернулся, когда увидел, что я смотрю. Ему уже очень скучно стоять, и он возит грузовиком по полу.

– Синявский, ты наказан. Немедленно убери машинку на место, – командует Нина Алексеевна. И уже мне, ласково: – Катя, возьми у него машинку.

Она уставилась на меня строго и выжидательно. И хотя у нее добрый голос, я знаю: стоит мне ослушаться, я опять попаду на «скамейку добра».

Я смотрю на Вадика: он вцепился в свою машинку и ждет. У него так сердито горят глаза, будто мы сегодня не делали вместе ров. Наверное, он думает, что я предатель.

Я оборачиваюсь к Нине Алексеевне, она все еще смотрит. Я чувствую: ей очень важно, чтобы я забрала грузовичок. Потому что это будет значить – мы с ней вроде как заодно.

«Ну что за день сегодня такой, что меня ни попросят, я все не могу», – думаю я.

Я отворачиваюсь от них и иду к выходу в раздевалку. Мельком вижу, как Вадик спрятал машинку за спину, чтобы ее защищать.

Сзади что-то кричит Нина Алексеевна. Но мне уже все равно. Наказывайте меня, сделайте что хотите.

Как же я удивляюсь и радуюсь, когда вижу, что в раздевалке уже стоит мама. Я утыкаюсь в нее носом, чувствую запах мокрого пальто и мамин запах. Неужели это все закончилось? Мне хочется поскорее уйти из садика.

– Давайте сделаем фотографию, сегодня же твой первый день! – говорит мама гордо и радостно. – Нина Алексеевна, давайте вместе с Катей.

Воспитательница держит меня за плечи, а я изо всех сил держу кончики губ, чтобы вышла улыбка. Мама смеется:

– А то меня все спрашивают, как ты тут.

Потом мы идем с мамой вдоль сетчатого забора, который хочется зацепить рукой и тренькнуть. Я иду и делаю: трень, трень. А мимо меня с растопыренными руками пронесется Вадик, за ним тоже рано пришли.

Мама идет слева, держит меня за руку, а другой рукой нажимает на экран телефона.

Как бы сделать так, чтобы она на меня посмотрела. Надо сказать что-то такое интересное, чтобы она не смогла не ответить.

– Мама, меня Лидия Ивановна сегодня обозвала плохим словом, – говорю я торжественно.

– Не выдумывай! – Мама смотрит в телефон, она так всегда делает после того, как выложит фотографию. Хочет знать, кто поставил лайки.

– Я никогда не выдумываю.

– Ты, наверно, сама была виновата, – говорит мама рассеянно и снова утыкается в телефон.

В голове мелькает мысль: «Я же не хотела ни с кем ссориться». Но я уже отпустила мамину руку, остановилась, и у меня слезы брызнули из глаз.

– Я не виновата! – я топаю ногой и по маминим глазам вижу: все пропало.

– Истеричка, – шепчет мама, озирается по сторонам, наклоняется ко мне и говорит: – Тихо. Надоела уже на людях скандалы закатывать.

Она опять берет меня за руку, и мы идем домой молча.

Я очень расстроена. Я, видимо, совсем не могу не ссориться с людьми. Почему я такая злая?

Мама возится на кухне, а я захожу к себе в комнату, открываю тумбу стола, просовываю руку под все книжки, альбомы, карандаши и достаю наощупь половинку тетради. Розовую с тонкой линейкой внутри и с косой полосочкой. Раньше это был словарь для логопеда, а теперь это мой личный словарь.

Я вспоминаю, что нового сегодня узнала про себя.

«Истеричка» – листаю страницы, это уже есть.

«Пенек с глазами» – это новое.

Я отступаю красную строку. И пишу красиво, здесь нужно писать красиво, потому что это словарь. Заканчиваю выводить и люблюсь. Хорошо получилось. Уже собираюсь спрятать словарь в стол, но вспоминаю еще одно слово.

Это слово хочется держать на языке, как леденец. Я чувствую, как оно перекачивается за щеками и тихонько стучит о зубы. Его нужно хорошенько спрятать.

Я откладываю ручку, беру карандаш, потому что карандашом незаметнее, открываю словарь в середине, там, где мама точно не будет искать, и пишу с большой буквы: «Вселенная».

Халимат Текеева

Сестры

- Мурат, кьой! Она отношения к этому не имеет!
- А ты молчи! Вырастила, дура, дочь: американскую шпионку!
- Папа!
- Что «папа»? Так и есть: американская шпионка.

У Рады будто отнялся слух. В черепной коробке что-то гудело и мешало думать. Ослабли руки, кровь по сосудам будто стекла к подушечкам пальцев. Телевизор верещал что-то злое – Рада никогда не вслушивалась.

«Хорошая кавказская дочь не спорит с родителями. Будь хорошей кавказской дочерью. Успокойся. Молчи», – сказала себе Рада. Если уж честно, то она не была хорошей кавказской дочерью: поступила на филологический, а не в медицинский, как того хотели родители, больше внимания уделяла любимому итальянскому, а не родному карачаевскому языку. А в конце прошлого года устроилась в организацию по защите прав женщин. Независимая маленькая контора с названием на латинице, всего несколько человек в штате. Рада была там и фотографом, и пресс-секретарем, и составителем бесконечных заявок на гранты. Зарплата маленькая – ремонт в родительском доме на эти копейки не сделаешь, а как в неотремонтированном доме женихов принимать? Позор! Да еще вот акция эта. Коллеги Рады вывесили баннер «Бьет – значит, убьет» на здании Госдумы (депутаты как раз принимали закон о декриминализации побоев в семье). И эту акцию почему-то уже целую неделю обсуждали в медиа. По телевизору рассказывали, что девушки не то дуры, не то экстремистки, не то враги России, которые хотят подорвать доверие к власти. Лица Рады не было ни на снимках, ни на видео. Она не хотела расстраивать родителей, поэтому спряталась от телекамер, была фотографом, а не участником действия. Но не помогло – родители вспомнили, где она работает. И вот Рада уже полчаса слушала вопли отца и уговоры матери, пытавшейся его успокоить.

Рада уладила гул в голове и попробовала вмешаться:

- Папа, как раз я патриотка. Для меня это важно. Мне жаль, что ты думаешь иначе.

Ее слова звучали еле слышно. Как другие люди срываются на крик, так Рада переходила на отстраненный шепот, будто боялась, что, сказав что-то во весь голос, не сможет сдержаться и нагрубит.

- Я пойду к себе.

Мать кивнула, Рада ушла в другую комнату. Там младшая сестра Рады, Бэла, паковала вещи в большой рюкзак. Она собиралась в очередную поездку: в ее университете уже привыкли, что девятнадцатилетняя студентка заваливает сессии, а потом очаровывает преподавателей историями про свои путешествия. Родители не знали, сколько времени дочь проводит в дороге, – Бэла жила в общежитии в Москве и умудрялась скрывать свое отсутствие, а старики оставались в Подмоскovie. Рада тоже жила в столице, в съемной комнате, но чувствовала себя так, будто родители видят каждый ее шаг.

Веселая девушка откинула темные волосы с лица и посмотрела на сестру.

- Проводишь до вокзала?

- Я же обещала. Деньги на поездку нужны?

– Сама знаешь. Мне за фриланс за два месяца не заплатили до сих пор, вот и просчиталась я по расходам.

- И не просчитывала, наверное, – усмехнулась Рада. – Как в университете?

– Ну, так. Хрыч этот все никак не ставит зачет по теорлиту. С зимы гоняет на пересдачи. Надоел. Что, тяжело? – переменяла разговор Бэла, кивнув в сторону комнаты, где мать с отцом продолжали выяснять, кто хуже воспитывал Раду.

– Ага.

– Успокоятся, – Бэла поставила на кровать раздувшийся от маминых гостинцев смешной ярко-розовый рюкзак и навалилась на него, чтобы покрепче застегнуть.

«А я не успокоюсь», – подумала Рада.

В комнату вошла мать.

– Радмила, говорила я тебе, не надо устраиваться туда! Ты видишь, до чего отца доводишь?

– Это я-то довожу?

– Сил моих никаких на вас двоих не хватит. Он считает, что я виновата, ты все время огрызаешься, будто я что-то сделала – всем вокруг я плохая!

– Мама, ты очень хорошая, мы все тебя очень любим! – улыбнулась Бэла матери, как ребенку. – А теперь я украду у тебя Раду, она меня на поезд до Новгорода посадит.

– Ты тоже молодец: постоянно где-то мотаешься!

Бэла закатила глаза, и мать стусевалась.

– Позвони мне обязательно, когда сядешь в поезд. И когда на ночлег устроишься, тоже позвони. Не жалея денег на роуминг!

– Да-да, хорошо!

– Давай. Рада, проводи ее. Ты же вернешься сегодня? Сколько можно жить по чужим углам, переехали бы обе к родителям, как нормальные люди.

– Мам, в нашем доме нет места: ты в одной комнате спишь, папа уже давно в другой, а нам с Радой где, на кухне поселиться? И на учебу и работу долго добираться, много раз уже обсуждали, – Бэла поправила на плече лямку рюкзака, взяла сестру за руку и повлекла в коридор.

Сестры вышли на улицу. Были майские праздники, время, когда и в Москве можно радостно гулять и ни о чем не думать. Рада не понимала Белкиного желания в такую погоду уезжать из дома. Белка вечно где-то колесила. Вот и сейчас...

Они залезли в автобус до вокзала.

– Ну и бабий бунт устроила твоя контора! Горжусь, сестра.

– Да я же не вешала баннер, только фотографировала.

– О чем наверняка жалеешь, – улыбнулась Бэла. – В нашем доме тоже нужна революция, я одна за вас с матерью отдуваюсь.

– Ой, Белка, прекрати.

– Нет, я серьезно. Давай начистоту: как тебе это все еще не осточертело? Ты все детство меня растила почти одна, потому что родители работали. Да, я знаю, они не виноваты, надо было на что-то жить, как-то зарабатывать. Но тебе двадцать три года. Ты лет с двенадцати несла полную ответственность за меня. Кормила, штопала мне вещи, готовила со мной уроки. Как взрослый человек. И никогда не тревожила родителей. В этом и проблема. Дети должны тревожить родителей. Ты не они, тебе хочется не того, что им. Это нормально.

Рада молча сощурила глаза, будто вглядываясь в обочину дороги.

– «Американская шпионка», ну охренеть же. Как же люди обожают размазывать по стенке тех, кто им не отвечает, – добавила Бэла.

У Рады дрогнули губы. Родители часто били ее – и никогда не трогали Белку. Белка всегда была оторвой, но это замечала только Рада. Чем тяжелее было Раде, тем больше ей хотелось свободы для Белки, чтобы детство ее длилось подольше. Она не говорила Бэле, что лазать

по деревьям, давать сдачи пинающимся мальчикам – не для благородной дочери Кавказа. Она не пыталась сделать из нее идеальную горянку. Мать вмешиваться не успевала, отец воспитанием детей не занимался из принципа, а Рада потакала сестре. Тем более, что и сама не понимала, зачем переделывать Белку.

Мать потом винила Раду, что Белка не поддается никакому влиянию, но было уже поздно. Та уже научилась и спокойно давала понять, что делает что хочет и никого слушать не будет. Родители только беспомощно разводили руками.

– Мне кажется, то, что я отдельный человек, – это они понимают. Не станут же они себя называть американскими шпионами, – хмыкнула Рада.

– Ну, это другой разговор. Им надо себе сейчас как-то объяснить, как ты такая выросла. Все Госдеп виноват.

– Белка, они любят нас. И меня, и тебя.

– И что, тепло тебе от их любви? Ты не сегодня-завтра сама заберешься куда-нибудь повыше с баннером против патриархата.

– Ну, любовь – это не всегда легко.

– Почаще себе это говори, «американская шпионка», «пустое место», как там они тебя еще называют?

От слов сестры боль была, как если бы Рада порезала пальцы острым ножом. Не страшно и не опасно, но надолго. Как ни пытайся не обращать внимания, будет ныть, тягуче и тупо.

Долго ехали молча. Белка заснула. Рада злилась больше на жизнь, чем на сестру. «Почему сколько я ни стараюсь, я всегда недостаточно хороша? Почему Белка делает что хочет – и ей всегда потакают? Ее не контролируют, как меня, ее не ругают за плохие оценки в вузе, ее не донимают разговорами о женихах и правильном поведении. Мне бы и десятой доли ее вольностей не простили. Да, она умеет так ласково говорить, так все обставить, что родителям неловко с ней ругаться. Она такая счастливая и солнечная, а про меня все говорят, что я холодная и надменная, или что я хамка».

– Бэла, мы приехали.

– Отлично, еще полчаса есть, пошли в забегаловку за кофе.

Сестры сели за пластмассовый столик. Бэла вертела в руке одноразовый стаканчик.

– Так вот. Мне кажется, тебе надо отдохнуть. Прямо сейчас. Иначе ты с ума сойдешь. Ты уже выглядишь как ходячий труп. Сколько ты работаешь? Сколько часов обсуждаешь с матерью, как ты к ней жестока? Ты помогаешь ей чем можешь. Научись наконец-то жить для себя, за тебя жить никто не будет. Поехали со мной в Новгород. Погуляешь, посмотришь город. Там природа такая, закачаешься! Ты фотограф, в конце концов, тебе надо много путешествовать, делать съемки.

– Нет. Я не поеду. Я обещала родителям помочь по дому на этих праздниках. Нам с мамой пригодилась бы твоя помощь, кстати. Но ты же не я, ты отдыхать едешь.

Бэла отвернулась, достала из рюкзака влажные салфетки и вытерла руки.

– Рада, я не буду на тебя давить. В конце концов, только ты знаешь, как хочешь прожить свою жизнь. Окей? Только не жалуйся потом.

Бэла погладила ладонь сестры. Радины пальцы резко растопырились, и сестра отдернула руку.

– Я и не жалуюсь.

– Рада, котенок, я желаю тебе добра, но, кажется, ты безнадежна.

– Ну так и не мучай меня больше! Вообразила себе, что ты такая умная, все знаешь, – огрызнулась старшая сестра.

Кажется, их слышали все в привокзальном кафе. Голова Рады снова загудела.

– С какой стати ты решила, что можешь указывать мне, что делать? Ты в своей жизни сначала разберись! У тебя с зимы хвосты тянутся, и денег вечно нет. Постоянно сбегаешь из города, никогда серьезно с родителями не говоришь. От тебя нет никакой помощи мне. Ты же сливаешься в любом споре. Только мне перечить научилась.

– Говорю же, безнадежна.

Бэла встала, придерживая стул, чтобы он не завалился под тяжестью повешенного на спинку рюкзака, переложив его на сиденье и вышла в туалет. Время тянулось очень медленно, Рада смотрела по сторонам и пыталась отогнать мысли о своей неблагодарности. Вернулась Белка, молча подхватила рюкзак и кивнула: пора. Сестры вместе вышли из кофейни.

– Напиши мне, когда доедешь и поселишься, хорошо?

– И не подумаю.

– Ну, эй, ты обиделась, что ли?

– Иди к черту. Выкарабкивайся сама из этой лужи с дерьмом. Себя я туда затащить не позволю.

Бэла с улыбкой протянула билет и паспорт проводнице, села в поезд, через минуту он вздохнул тормозами и тронулся. Рада осталась на перроне. Что-то навсегда поломалось в их с Белкой дружбе, поняла она. И поплелась к автобусной остановке.

Стефан Хмельницкий

Живой

– Март, ты что, оглох? Куда ты там уставился? Ты помнишь, что завтра в школу?

«Я не верю, не верю. Там должно быть что-то другое...» – думал Март, всматриваясь куда-то вдаль за окно.

– Тебе уже двенадцать, шестой класс. Тебе уже думать надо о будущем, как ты школу будешь заканчивать, Март?! Ольга Александровна весь прошлый год на тебя жаловалась, что ты постоянно отвлекаешься на уроках.

– Вот, замечание так замечание: читает книги на уроках литературы, – съехидничал Март.

– Март! Есть определенный регламент, образовательная система, и, в конце концов, взрослые лучше знают, что нужно их детям. Мы о тебе заботимся.

«Мне иногда кажется, что вы никогда не были детьми», – подумал Март.

– Да, да, да, – сказал он вслух и задернул занавеску. – Яйцо курицу не учит, и прочее, и прочее.

– Отец, будь добр, вразуми своего сына.

Услышав оклик, отец семейства, заполнявший собой натруженные выемки дивана, вынырнул из-за газеты, как страус из песка. Сходство со страусом дополняли непропорционально большой живот, длинная шея и маленькая голова, которую венчали очки. В течение нескольких секунд он смотрел на объект беспокойства недоумевающим, отсутствующим взглядом.

– Сын... – Очки упали на нос, отчего отец вздрогнул. – Слушай, что тебе мать говорит. – Сделав замечание, тут же засунул голову обратно в газету.

Тут же опять резко вынырнул и воскликнул:

– Ты гляди, Ида! Опять террористы теракт устроили в Европе. Куда катится мир? Ближиться война, Ида, ты понимаешь?! Нам не избежать Третьей мировой войны!

– Опять заладил, – прошептала мать, закатив глаза.

– Кстати, – лицо отца переменилось, будто кто-то случайно переключил канал, – что у нас сегодня по телику? Может, какой новый сериал вышел... – отец впал в кому, лишь мерное нажатие на потертые кнопки пульта выдавало в нем жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.